

ИНСТИТУТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
СТРАТЕГИИ

Карта

этнорелигиозных угроз

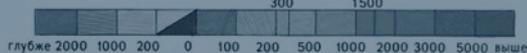
Северный Кавказ

и

Поволжье

Москва 2013

Шкала глубин и высот в метрах

Масштаб 1:4 000 000 (в 1 см 40 км)

Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	2
1. ВАХХАБИЗМ КАК ИНТЕГРИРУЮЩАЯ АНТИРОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА	5
1.1. Определение ваххабизма.....	5
1.2. История распространения ваххабизма в современной России.....	6
1.3. География ваххабизма в России.....	8
1.4. Панисламистское лобби в России.....	8
1.5. Противодействие распространению в России ваххабитских течений.....	9
1.6. Выводы и рекомендации.....	11
2. ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ, СЕПАРАТИЗМ И ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ПОВОЛЖЬЕ	13
2.1. Национал-сепаратизм в республиках Поволжья.....	13
2.2. Исламский фундаментализм в Поволжье.....	16
2.3. Реакция русских на этноконфессиональные процессы в регионе.....	21
2.4. Выводы и рекомендации.....	24
3. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНО- И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ РОССИИ	28
3.1. Социально-политическая ситуация.....	28
3.2. Религиозный экстремизм (Восток региона).....	30
3.3. Этнический национализм (Запад региона).....	32
3.4. Позиционирование Северного Кавказа и стихийный «русский ответ».....	34
3.5. Выводы и рекомендации.....	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	42

ВВЕДЕНИЕ

Этноконфессиональные угрозы национальной безопасности России могут быть распределены по степени опасности исходя из количества преступлений, совершаемых носителями радикальных этнических и религиозных идеологий. При этом почти все террористические атаки в России совершаются исламскими радикалами – ваххабитами, лидирующими и по количеству других преступлений экстремистского характера. Данный факт определил центральное место этого явления в настоящем докладе.

В регионах России, населенных традиционно мусульманскими этносами, исламский радикализм тесно взаимодействует и переплетается с этнонациональным сепаратизмом. Это – Поволжье (в первую очередь – республики Татарстан, Башкортостан) и Северный Кавказ. Поэтому в настоящем докладе подробно рассматривается также ход и состояние сепаратистского движения в указанных регионах. Детально анализируется взаимодействие ваххабизма и сепаратизма мусульманских этносов России.

Неизбежно ограниченный объем одного доклада не позволяет рассмотреть в нём одинаково подробно все существующие этноконфессиональные угрозы. Преобладание опасности радикального политического исламизма побудило вынести детальный разбор прочих экстремистских течений этнического и религиозного свойства за рамки настоящего документа. В последующих докладах все такие угрозы будут проанализированы последовательно и досконально. Здесь же мы вынужденно ограничимся их кратким перечислением.

1. Пантюркизм (пантуранизм). Идеология создания светского суперэтнического государства (Великого Турана) всех тюркских народов (в варианте пантуранизма – всех народов алтайской языковой семьи, включающей, помимо тюрков, также бурят, калмыков и народы тунгусо-маньчжурской группы) на большей части территории России. Возник в начале XX века. Поддерживается преимущественно из Турции. Претендует на роль консолидирующего антироссийского фактора для указанных народов. В данном качестве в последнее время явно уступает ваххабизму (панисламизму), хотя последний оставляет за рамками такого объединения алтайцев, тувинцев, хакасов, бурят, якутов и др. народы Сибири и Дальнего Востока.

2. Сибирский региональный сепаратизм. Может рассматриваться как своего рода «компенсация» народам Сибири и Дальнего Востока за их невключение в антироссийский исламский фронт. Однако главную этническую базу движение видит не столько в нерусских народах, сколько в сибирских русских. Последним внушается, что они – никакие не русские, а особая «нация» – сибиряки, якобы угнетаемая «метрополией» (т.е. европейской Россией). Оживление наметилось в

последние годы. Ведёт, однако, «правопреемственность» от сибирского автономизма, возникшего ещё во 2-й половине XIX века. Тактическая смычка с пантуранизмом весьма вероятна (в Якутии и Туве имеет место чисто этнонационалистический проект). Одновременно может стать авангардом регионального квази-этнического сепаратизма других регионов, населённых преимущественно русскими (см. ниже, п.4).

3. Национализм финно-угорских народов. Поскольку большинство финно-угорских национальных республик вкраплены внутрь территории России, сепаратистским это движение сможет стать только в результате своей межреспубликанской консолидации, подкреплённой претензиями на территории сопредельных субъектов РФ. Рассматривает финно-угорские народы как «коренные» и имеющие право на некие привилегии во всей северной половине Европейской части России, включая Московский регион, и в Западной Сибири. В тех субъектах РФ, где нет местных финно-угорских этносов, действуют энтузиасты по «пробуждению национального сознания» (например, народа меря в северо-восточных областях ЦФО). В основном светское по характеру, движение местами проявляет тенденцию к неоязычеству. В таких поволжских республиках, как Мордовия, Марий-Эл, Удмуртия, активно действуют прозелиты ваххабизма, стремясь обратить титульные народы из православия в ислам и интегрировать их в антироссийское движение на этой основе.

4. Квази-этнический конфедерализм и сепаратизм русских регионов. Эксплуатирует недовольство политикой федерального центра во многих областях, в частности – перекачкой финансовых ресурсов в Москву и на подпитку Северного Кавказа (см. раздел 3.4 настоящего доклада). Внушает русским в соответствующих регионах, что они составляют отдельную нацию: «волгари», «уральцы», «поморы» и т.п. Сибирский сепаратизм (см. выше п.2) можно расценивать как более «продвинутое», имеющую более давние исторические корни и развитые традиции ветвь данного направления. Местами апеллирует к «коренному этническому» самосознанию, смыкаясь с финно-угорским национализмом. В том же ряду стоит и повышенный интерес данного направления к неоязычеству.

Рассмотренные четыре направления объединяет апелляция к правам человека и прочим демократическим ценностям (прежде всего – праву наций на самоопределение), преимущественно светский характер и деятельность в легальном правовом поле (в основном пока ещё – на стадии культурно-просветительской). Они в большинстве не отрицают конституционных основ РФ, за исключением явно выраженных сепаратистских намерений (лозунг создания Великого Турана; отделение Карелии, Якутии или Тувы).

5. Новые религиозные секты. Складываются как на базе отрицания религий, к которым исторически относит себя большинство населения

России, так и формально внутри них (но на деле тоже, разумеется, отрицая их). Формируются также в ходе целенаправленной прозелитической деятельности из-за рубежа. В основном, новые секты, как ответвившиеся в последнее время от официального православия, так и «импортированные» (Аум Сенрикё, мормоны, сайентологи и т.д.), а также неоязычники могут представлять угрозу лишь как дополнительный фактор обострения обстановки в случае общей дестабилизации. При всём их нигилистическом отношении к гражданскому правопорядку и ценностям, разделяемым большинством российского общества, самостоятельной угрозы не представляют.

1. ВАХХАБИЗМ КАК ИНТЕГРИРУЮЩАЯ АНТИРОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

1.1. Определение ваххабизма

Под **ваххабизмом** в современной России обычно понимается совокупность агрессивных и нетрадиционных для России ветвей ислама («исламских джамаатов», «внемазхабного» или «безмазхабного» суннизма). Это определение является скорее политическим, чем богословским, но в данном случае именно политическая сторона дела особенно важна, как с точки зрения мотивации адептов течения, так и с точки зрения опасности, которую оно представляет для государства.

Российский ваххабизм является весьма неоднородным течением. Его основные группы можно определить как:

- 1) «классических» ваххабитов, именующих себя салафитами (приверженцами «саф ислама» или «чистого» ислама);
- 2) ихванов или «Братьев-мусульман»;
- 3) хизбутов (сторонников террористической партии «Хизбут-Тахрир»);
- 4) таблигитов (адептов экстремистской пакистанской секты «Таблиги джамаат»).

Ваххабитов отличает нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, стремление к созданию «шариатского» государства в той или иной форме (как правило, всемирного халифата), уверенность в том, что они ведут джихад против безбожной власти, и склонность к силовым методам в миссионерской работе. Многие ваххабитские группы признали терроризм самым эффективным способом достижения поставленных целей.

К другим особенностям ваххабитов следует отнести их нигилистическое отношение к адатам (доисламским обычаям) и светскому законодательству. Ваххабиты считают возможным отлучать от ислама (делать такфир) на основании уклонения от ежедневной пятикратной молитвы (намаза) или неучастия в джихаде. Нередко они объявляют «врагами ислама» вообще всех несогласных с ними мусульман.

С особой враждебностью ваххабиты относятся к суфиям и шиитам, причем последних нередко именуют шайтанской (сатанинской) сектой. Ваххабиты считают идолопоклонством почитание захоронений и ведут борьбу с ним. Также они выступают против того, что считают нововведениями в исламе, и на этом основании не отмечают ряд мусульманских праздников (например, Мавлид).

К ваххабизму нередко, в том числе, в практике правоохранительных органов, причисляют другие течения ислама. Например, к экстремистским в России отнесены различные секты турецкого

происхождения, которые объединяет опора на труды богословов Саида Нурси и Фетхуллага Гюлена. Правоохранительные органы определяют их как членов движения «Нурджулар». Их идеологические установки, однако, отличаются от ваххабитских. Они проявляют меньшую тягу к фундаментализму, а их практическая связь с системным терроризмом не выглядит очевидной. Эти течения правомерно рассматривать в общем русле **панисламизма**, к которому ваххабизм относится как наиболее радикальное крыло. Общим знаменателем для этих течений являются представления о наднациональной, надклассовой общности приверженцев ислама и приверженность политическому объединению мусульман поверх существующих границ.

1.2. История распространения ваххабизма в современной России

Ваххабизм изначально был создан как средство борьбы со слабеющими государствами (имеется в виду борьба арабов с дряхлеющей Османской империей). В этом качестве он может быть очень эффективен. И, к сожалению, именно с этим связана та повышенная опасность для современной России, которую представляет это движение – во всем многообразии своих производных и смежных явлений, которые далеко выходят за рамки отдельно взятой богословской доктрины.

Реальную опасность ваххабиты стали представлять с конца 80-х годов XX века. Уже в 1989 году сторонники «чистого» ислама смогли свергнуть муфтиев Средней Азии и Северного Кавказа. После возобновления дипломатических отношений с Саудовской Аравией в 1991 году и случившегося в том же году распада СССР экспансия ваххабитов на постсоветское пространство приобрела лавинообразный характер.

Эмиссары этого течения подчеркивали, что мусульмане постсоветского пространства живут в кяфирских, антиисламских, государствах, исполнять законы которых грешно. Наиболее радикальные проповедники приравнивали законопослушных мусульман к неверным, призывая уничтожить их в первую очередь. Новообращенным ваххабитам внушалась мысль о беспрекословном подчинении своим вождям – амирам.

Особое внимание ваххабиты уделяли образовательным программам, призванным воспитать радикальных имамов и сформировать из них новую генерацию духовных лидеров. С 1989 года молодые мусульмане из республик Северного Кавказа, а впоследствии и из других российских регионов, сотнями отправлялись на учебу в зарубежные медресе в рамках арабских и турецких программ содействия возрождению российского ислама. К середине 90-х годов сотни образованных и амбициозных радикалов начали возвращаться в Россию, формируя костяк салафитского

движения¹. Со временем подготовка новых ваххабитских кадров стала производиться уже в самой России. Особое внимание уделялось прозелитизму среди христиан, которым отводилась роль наиболее надежного и боеспособного звена первичных ячеек-джамаатов².

Прямая вербовка сторонников дублировалась кампанией по изданию многотысячными тиражами и преимущественно бесплатного распространения экстремистской литературы. Развитие Интернета позволило ваххабитам насытить его русскоязычный сегмент сотнями сайтов, которые до сих пор количественно превосходят веб-ресурсы традиционных мусульман. С появлением социальных сетей с их помощью была начата вербовка новых членов, а для распространения видеоматериалов стали активно использоваться сервисы типа Youtube. Параллельно была развернута миссионерская деятельность в среде организованных преступных группировок и в местах заключения (феномен «тюремных джамаатов»).

С 1995 года ваххабиты стали активно использовать для достижения своих целей террористические атаки. Расцвет их деятельности пришёлся на 1997-1999 гг., когда Чечня перешла под контроль экстремистских лидеров. С середины первого десятилетия XXI века ваххабиты стали практиковать «массовые народные» выступления. В 2011-2012 гг. часть исламистских организаций (например, Национальная организация русских мусульман) заявили о поддержке «белоленточного» движения. Происходит сращивание ваххабитских структур с чиновниками и правоохранителями среднего уровня, проникновение их в учебные заведения всех уровней и работа среди спортсменов³.

На данный момент ваххабиты успешно работают с населением (особенно молодежью), грамотно используя просчеты государственных структур и нейтрализуя контрпропаганду традиционных мусульман, в том числе и посредством физического устранения их лидеров. Одна из главных задач ваххабитов на текущем этапе состоит в том, чтобы добиться их признания как авторитетного и договороспособного направления ислама, равнозначного институтам традиционных мусульман. Затем они намереваются получить позиции во властных структурах – от регионального (что уже происходит в Дагестане) до федерального уровня и начать корректировку российского законодательства в свою пользу.

¹ Российские талибы // статья размещена на портале «Ислам.ру» 28 декабря 2001 года.

² Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов, 2002, глава 5.

³ <http://www.tatar-inform.ru/news/kazan/2012/08/03/325978/>

1.3. География ваххабизма в России

Общая численность ваххабитов в России вряд ли их доля превышает 5% от общего числа мусульман (около 700 тыс. чел.). К 2013 году ваххабитские общины созданы во всех субъектах РФ, за исключением Чукотского АО. Ваххабитские общины действуют без государственной регистрации или в рамках региональных подразделений Совета муфтиев России. В ряде регионов (Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Татарстан, ранее - Чечня) возникли места компактного проживания ваххабитов в отдельных сельских населенных пунктах.

Наиболее ваххабизированным регионом России на данный момент является Дагестан, в особой группе риска находятся Кабардино-Балкария и Ингушетия. Повышенная активность ваххабитов наблюдается в Ставропольском крае и Северной Осетии. Достаточно крупная ваххабитская община Карачаево-Черкесии с середины 2000-х годов снизила активность.

В Приволжском ФО наиболее ваххабизированы Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Саратовская, Оренбургская, Пензенская и Нижегородская область. Крупные ваххабитские общины зафиксированы также в Республике Удмуртия, Ульяновской и Самарской областях. В наименьшей степени затронуты этим течением Республики Чувашия и Марий Эл, Пермский край и Кировская область.

В Южном ФО основным центром ваххабизма являются Астрахань и Ростов-на-Дону, активны ваххабиты и в Республике Адыгея. В Центральном ФО подавляющее большинство ваххабитов сконцентрировано в Москве и Московской области. В Северо-Западном ФО они тяготеют к Санкт-Петербургу и Карелии. В Уральском ФО ваххабиты особенно активны в Тюменской и Свердловской областях, Ямало-Ненецком АО. В Сибири их центрами стали Горный Алтай и Омская область, а на Дальнем Востоке – Приморский край и Якутия.

1.4. Панисламистское лобби в России

С начала 90-х годов в России стало создаваться панисламистское лобби, первоначально сформированное из мусульманских духовных лидеров, завербованных зарубежными проповедниками. Панисламистски настроенные имамы и муфтии приняли активное участие в расколе структур традиционных мусульман и создали значительное количество параллельных централизованных организаций. Как правило, не принадлежа к «классическому» ваххабизму, эти лидеры оказывают ему прямую и косвенную поддержку в ряду иных направлений исламского радикализма.

Духовным лидером панисламистского лобби в России стал председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин,

неоднократно высказывавший поддержку ваххабитской идеологии⁴. К другим известным панисламистским «властителям дум» можно отнести муфтиев Нафигуллу Аширова, Мукаддаса Бибарсова, философа-окультуриста Гейдара Джемала и некоторых других общественных и религиозных деятелей.

Ваххабитские интересы зачастую отстаивают «Новая газета» и газета «Черновик», сайты «Ансар», «Голос Ислама», «Ислам в Российской Федерации» и несколько десятков других Интернет-ресурсов.

В настоящий момент многие лидеры мнения и информационные ресурсы сконцентрировались на обелении ваххабизма в Дагестане и позиционировании его в качестве важнейшего партнера для диалога с государством.

1.5. Противодействие распространению в России ваххабитских и панисламистских течений

С 1999 года правоохранительные органы России развернули широкомасштабную кампанию по борьбе с радикальным исламом, первым делом закрыв российские представительства вспомогательных террористических структур – фондов «Аль-Харамейн», «Аль-Игаса» и «Тайба». Было выдвинуто несколько инициатив о запрете ваххабизма на всей территории России, отталкиваясь от антиваххабитских законов, принятых в Дагестане, Ингушетии и Ставропольском крае. Поводом для этих мер стала атака ваххабитов на Дагестан и возрастание числа устроенных ими терактов. Тем не менее, запретить ваххабизм на федеральном уровне не удалось.

14 февраля 2003 года на закрытом судебном заседании Верховного суда РФ было рассмотрено дело по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации о признании ряда организаций террористическими и запрещении их деятельности на территории Российской Федерации.

В 2003 году правоохранительные органы заинтересовались также деятельностью секты «Нурджулар», обратив внимание на ведущуюся в ее лицах пропаганду панисламизма. Генеральной прокуратурой было начато широкомасштабное расследование деятельности татарско-турецких школ, связанных с учением Саида Нурси, турецкого мусульманского богослова XX века. 10 апреля 2008 года Верховный суд РФ признал экстремистской международную организацию

⁴ Например, Маникин Н. «Жить по священным писаниям!» // Россия, 5 октября 2001; О необходимости точных определений // НГ-Религии, 15 ноября 2000

«Нурджулар»⁵, а 7 мая 2009 года – миссионерскую организацию «Таблиги Джамаат»⁶.

Федеральный список запрещённых материалов ежегодно пополняется новыми книгами панисламистских авторов, признаваемыми судом экстремистскими. Эти решения правоохранительных органов нередко вызывают протесты. Так, в марте 2009 года муфтий Равиль Гайнутдин потребовал от властей упорядочить процесс пополнения Федерального списка запрещенных материалов, создав на федеральном уровне специальный совет по экспертизе религиозной литературы. Первым ответом на это требование стало вынесенное возглавляемому им ДУМ Европейской части России предупреждение Министерства юстиции РФ о недопустимости размещения на сайте московской Соборной мечети заключений Экспертного совета ДУМЕР в поддержку запрещенных книг Саида Нурси⁷.

Ранее у Равиля Гайнутдина уже возникали трения с правоохранительными структурами по поводу официального запрета отдельных материалов (поддержка книги «Личность мусульманина», запрещенной в 2007 г.⁸, листовка ближайшего сподвижника Равиля Гайнутдина, «верховного муфтия Азиатской части России» Нафигуллы Аширова в поддержку террористической организации «Хизбут-Тахрир», также пополнившая Федеральный список запрещенных материалов в 2008 г.⁹).

К сожалению, нельзя сказать, что расширение списка запрещенных материалов эффективно в смысле снижения террористической угрозы в обществе. Преследование спорных текстов часто выглядит необоснованно жестким, тогда как ответственность для организаторов, участников и сторонников исламистских организаций, вовлеченных в инфраструктуру террора, – напротив, необоснованно мягкой. После терактов в Казани в июле 2012 года министр внутренних дел Татарстана Артем Хохорин заявил о том, что ответственность для организаторов, участников и сторонников исламистских организаций не адекватна опасности, которую они представляют для общества: «Наказания настолько смехотворны, что они нисколько не пугают, а, наоборот, воспринимаются экстремистами как награда»¹⁰.

⁵ Сообщение ИА «Лента.ру» от 10 апреля 2008

⁶ Мурзов А. Муфтия вернули в прошлый век // Коммерсант в Волгограде, 23 мая 2009

⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 9 апреля 2009

⁸ Сообщение сайта «Исламьюс» от 19 мая 2008.

⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 6 августа 2008.

¹⁰ <http://info.tatcenter.ru/article/119003/>

1.6. Выводы и рекомендации

1. Законодательная база противодействия радикальному исламу в России пока недостаточно разработана. Степень наказания часто неадекватна уровню преступления. Неукоснительно преследуется распространение и чтение запрещённой экстремистской литературы, список которой неуклонно и не всегда обоснованно пополняется задним числом за счёт книг, изданных уже много лет назад. В то же время реальные пособники террористов (их укрыватели, непосредственные «духовные наставники» и т.п.) нередко не несут никакого наказания и даже не включаются в число обвиняемых.

2. Успешная борьба с ваххабизмом невозможна без его запрета на федеральном уровне, на чем настаивают как разумные правоохранители, так и лидеры традиционных мусульман (в частности, убитые террористами в 2012 году Валиулла Якупов и Саид-афанди Чиркейский)¹¹. По учению ваххабитов, современное государство, как носитель неисламского начала, должно уйти и быть заменено исламским государством, руководствующимся лишь законами чистого и строгого ислама. Почвы для компромисса здесь нет. Это учение может быть относительно мирным либо в рамках уже построенных по лекалам «чистого ислама» государств, либо в рамках государств с ничтожно малым ваххабитским влиянием (т.е. в ситуации заведомой слабости движения). Россия не относится ни к тем, ни к другим. Разумеется, следует чётко отделять системный терроризм под лозунгами ислама от идейных поисков в исламе. При этом необходимо признать, что частью инфраструктуры террора является идеологическая и организационная поддержка. В том числе – со стороны вполне легальных на сегодня структур. Разделение на «легальное» и «боевое» крыло – традиционная тактика экстремистских движений. Пресечь прямое политическое насилие невозможно, если действует режим благоприятствования для его покровителей. Последние должны нести юридическую / моральную / политическую ответственность, невзирая на их ранги и духовные звания.

3. В целом низкоэффективной представляется практика запрета экстремистских изданий. Зачастую запрет материала лишь привлекает к нему дополнительное внимание, не исключая его доступность, так как запрещаемые материалы легко обнаруживаются в Интернете или переиздаются с другими выходными данными. Запрет оправдан только в том случае, если гарантированно не добавит популярности запрещаемому автору и изданию. Необходим также специальный перечень мусульманской литературы, которая вообще не должна проходить экспертизу на предмет ее запрета.

¹¹ Например, <http://www.interfax-religion.ru/?act=interview&div=267>

4. Проблема вербовки новых ваххабитов в местах заключения может быть решена посредством использования опыта Казахстана, где осужденные террористы и экстремисты ваххабитского толка отбывают заключение в специальной колонии и не соприкасаются с иными заключенными. В отношении особо непримиримых исламистов можно использовать опыт Бахрейна, где местные ваххабитские власти лишают гражданства и депортируют наиболее опасных оппозиционеров¹².

5. Для профилактики дальнейшей радикализации исламского сообщества России можно предложить следующие меры:

- разработать концепцию социального партнерства государства и религиозных организаций, которая позволит создать необходимую законодательную базу для государственно-исламских отношений. В данной концепции следует указать критерии, в соответствии с которыми органы власти смогут работать с мусульманскими централизованными организациями;

- федеральной и региональным властям необходимо критически подходить к выбору партнеров среди ДУМов, так как настроены на конструктивное сотрудничество и пропагандируют традиционный для России ислам не все из них;

- важно развивать государственные программы поддержки исламской науки и образования с целью подготовки новых кадров официального мусульманского духовенства, ученых-богословов, преподавателей медресе и журналистов;

- необходимо продумать меры по повышению авторитета муфтиятов, который сильно пострадал вследствие информационных войн между ними и пропаганды ваххабитов, а также оптимизировать шаги по физической защите лидеров традиционного ислама.

¹² <http://russian.rt.com/Society/894>

2. ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ, СЕПАРАТИЗМ И ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ПОВОЛЖЬЕ

2.1. Национал-сепаратизм в республиках Поволжья

Национал-сепаратизм как политическая идеология современных татар стал развиваться с началом перестройки в СССР. Первые татарские этнонационалистические организации в Татарстане появились в конце 1980-х гг., во многом напоминая те, что возникли в Прибалтике. 1991-1993 гг. были временем максимального успеха татарских сепаратистских организаций. После подписания Договора о распределении полномочий между органами государственной власти РФ и Республики Татарстан в 1994 г. начался спад татарского сепаратистского движения.

Чтобы компенсировать падающую популярность, татарский сепаратизм, носивший первоначально светский характер, стал апеллировать к мусульманской умме. Ряд лидеров (Фаузия Байрамова) и активистов сепаратистского движения к 1996-1997 гг. перешли с чисто националистических позиций на религиозно-этнические. При этом националистические идеи у них сохраняются, хотя и отходят на второй план.

Помимо «старейших» организаций татарских национал-сепаратистских организаций – таких, как Татарский Общественный Центр (ТОЦ), «Милли меджлис», «Иттифак», «Азатлык» – стали появляться новые в виде интернет-сообществ. Они стремятся, однако, от виртуального общения перейти к реальной деятельности через участие в уличных акциях протеста или организацию собраний в форме культурных вечеров и лекций (клуб «Фикер»). Среди таких организаций можно назвать «Татарский фронт», «Правые татары», «Татарский патриотический фронт «Алтын урда» (Золотая Орда)», «Татар, уян!» («Татарин, пробудись!»). Будучи малочисленными, они активны в интернет-среде.

В 2010-е годы наметилось активное сращивание татарских сепаратистов с исламскими фундаменталистами. Как наиболее характерный пример можно привести события вокруг главной соборной казанской мечети «Кул Шариф» в апреле 2012 года, когда ДУМ Татарстана при поддержке светских властей республики решило снять с должности имама мечети Рамиля Юнусова, одного из идеологов ваххабизма в регионе. Как только эта информация появилась в СМИ, татарские национал-сепаратисты сразу же начали агитацию за организацию массовых уличных акций протеста, на что с готовностью откликнулось ваххабитское сообщество региона. Заручившись поддержкой ваххабитов, сепаратисты пригрозили устроить массовый митинг у стен Казанского Кремля. Региональные власти, испугавшись подобного сценария, пошли на уступки альянсу сепаратистов и

ваххабитов и оставили проваххабитского проповедника на должности имама мечети.

На этом фоне происходит заметное усиление внимания к татарскому национальному движению со стороны зарубежных НПО, где первую роль начинают играть структуры не столько США, Евросоюза и Турции, сколько Грузии, Азербайджана, Украины и стран Прибалтики. В Тбилиси периодически предпринимаются попытки поднять вопрос о «геноциде татарского народа». Стоит также отметить финансирование ряда уличных акций «Азатлыка» в Казани со стороны азербайджанской диаспоры.

Весной-летом 2012 года состоялись визиты татарских сепаратистов в Удмуртию и Башкортостан, где они приняли участие в мероприятиях местных националистов. Наметился альянс «Азатлыка» с башкирской молодежной националистической организацией «Кук буре» («Небесный волк»). Можно ожидать совместных выступлений против ДУМов, представляющих традиционный для обоих народов ислам ханафитского мазхаба, воспринимаемый сепаратистами как атрибут российского «колониального господства»¹³. Однако усиление именно исламского фактора может затруднить объединение татаро-башкирских сепаратистов с финно-угорскими националистами. В то же время, не исключена вероятность того, что сепаратисты всех национальных республик региона могут сблизиться между собой на общей почве вражды к православию как к символу российского присутствия (финно-угорские националисты в основном практикуют неоязычество).

В Башкортостане ситуация во многом аналогична татарстанской за исключением одной новой тенденции. В республике началась интересная трансформация национализма. Раньше это был «национализм власти»: националисты в своем большинстве были лояльны региональной администрации и выступали «против Москвы». За это они, как принято считать, местными властями поддерживались. Теперь национализм все больше становится «национализмом оппозиции». Старые официозные «националисты» (типа Исполкома Всемирного Курултая башкир, большая часть молодежной националистической группировки «Кук буре», а также, например, Татарский общественный центр Башкирии) выпали из политической повестки, а наиболее радикальное их крыло примкнуло к оппозиционным по отношению к действующей республиканской власти группировкам. Основным центром притяжения в политическом поле для них выступает ранее судимый оппозиционный предприниматель Альберт Мухамедьяров, создавший «Российскую партию народного управления» и достаточно влиятельный медиа-пул (информационное агентство «Башмедиа» и «Уфамедиахолдинг», куда входят региональное РенТВ, Евразия, Уфапортал и многие другие СМИ).

¹³ Мазитова Д. Татарские и башкирские националисты объединились ради всех нерусских. // Сайт KazanWeek, 2012, 26 июня. <http://kazanweek.ru/article/3762/>

При этом произошло сближение ранее открыто противостоявших друг другу башкирских и татарских националистов. Так, «башкиры» Азамат Галин, Рамиля Саитова, Динар Зайнуллин, Рамиль Хисаметдинов, Азат Сальманов, Ирек Агишев, Рамиль Рахматов оказались в лагере Мухамедьярова вместе с «татарами» Мажитом Хузиным, Каримом Яушевым, Кадерле Имамудиновым, Рамилем Хусаиновым. Мухамедьяров теперь разворачивает кампанию по защите прав одновременно и башкир, и татар: татарские националисты в его лагере утверждают, что в республике ущемляются интересы татар, а башкирские – соответственно башкир. Благодаря поддержке Мухамедьярова, возобновился выход несколько лет не финансировавшейся газеты татарских националистов «Халыкхитаре» и башкирской националистической газеты «Халыкхузе». Каждая из них издается заявленным тиражом 120 тысяч экземпляров и является жестко оппозиционной по отношению к действующей власти.

Одной из причин ставки оппозиционеров от бизнеса на союз с башкирскими националистами послужило изменение баланса сил во власти. Новый президент республики Рустем Хамитов стал вытеснять команду прежнего главы региона Муртазы Рахимова, долгие годы негласно поддерживавшего башкирских сепаратистов. Ориентируясь на поддержку «старых элит», Мухамедьяров взял курс на альянс с башкирскими сепаратистами и «кланом Рахимова», что может привести к усилению националистического вектора в пока еще разнонаправленных и несфокусированных протестных настроениях в регионе.

Аналогичная тенденция может распространиться по другим национальным республикам. Здесь встретились интересы контрэлит, ищущих отличную от официальной повестку и готовых за нее платить, и интересы второй волны националистов, которые в отличие от первой волны («идейной») готовы монетизировать свой национализм.

Национализм в подобной ситуации усиливает свои позиции за счет появления у него финансовой подпитки и общего роста протестных настроений. Делегитимация федеральной власти всегда сопровождается подъемом либеральной идеологии в столицах и национализма в национальных регионах. Как представляется, электоральный потенциал этносепаратизма пока незначителен. Однако привести к эксцессам разного рода (например, в виде волнений и погромов) он вполне способен.

В последнее время вновь наметилась тенденция к поддержке сепаратистов правящей элитой Татарстана. Эта поддержка носит пока опосредованный характер и вызвана больше стремлением сохранить местную этнократию. Часто звучащие в СМИ и Интернете указания на этнический дисбаланс в политике республики воспринимаются местной элитой как угроза собственной власти. Чтобы противопоставить набирающему силу «русскому вопросу» так называемый «татарский

вопрос», власти Татарстана стали шире освещать в республиканских СМИ акции татарских сепаратистов.

Кооперация татарских национал-сепаратистов с союзниками в соседних регионах на укрепляющейся базе интеграционной антироссийской идеологии панисламизма или пантюркизма демонстрирует, что независимый Татарстан или Башкортостан по образцу европейского национального государства становится все менее привлекательной целью для сепаратистов. Зато все более конкретные очертания получает другая цель: создание на территории большей части России «Большого Турана» или «Золотой Орды». В этом многонациональном государстве республика «Идель-Урал» (включающая главным образом Татарстан и Башкортостан) видится радикалам в качестве штата или «вилаета». При этом молодое поколение националистов стремится строить шариатское государство на основе идеологии ваххабизма.

2.2. Исламский фундаментализм в Поволжье

Кульминационным моментом активизации радикал-исламистов в ПФО стал теракт 19 июля 2012 года в Казани. В этот день на муфтия Татарстана, лидера мусульман-традиционалистов Ильдуса Файзова было совершено покушение, в результате чего он получил ранение. Чуть ранее в подъезде собственного дома был застрелен начальник учебного отдела ДУМ Татарстана, известный идеолог традиционного ислама, мусульманский богослов Валиулла Якупов. Вскоре в Интернете было выложено видеообращение «амира моджахедов Татарстана»: радикал-исламисты поспешили подтвердить, что в Татарстане у них организовано вооруженное подполье.

Стремление заполнить возникший после краха советской идеологии духовный вакуум религиозным возрождением «традиционных конфессий» нашло поддержку со стороны позднесоветских и постсоветских государственных структур на всем пространстве бывшего СССР. При этом для населения «мусульманских» республик России примером исламского образа жизни стали страны зарубежного мусульманского Востока, которые откликнулись на призывы своих российских единоверцев помочь им в деле «исламского возрождения». Это позволило, начиная с 90-х гг. прошлого века, широко проникнуть в Татарстан и Башкортостан нетрадиционным для коренных мусульманских народов России течениям ислама. Поволжский регион превратился в зону бесконтрольной деятельности миссионеров религиозного экстремизма из ряда зарубежных мусульманских стран.

За прошедшее с тех пор время сильно изменился облик мусульманской общины Татарстана. Так, снизился средний возраст активно верующих

мусульман. Среди прихожан мечетей Татарстана и Башкортостана ныне велика доля молодых людей (в возрасте до 35 лет). Если в 2001 г. высоко оценивающих свою религиозность (т.е. соблюдающих обряды и обычаи) среди молодежи обеих республик было всего 7 %, то в 2004 г. – уже 15 %. К сожалению, сведений для более позднего периода пока нет, но тенденция к росту активной религиозной позиции среди татарской молодежи налицо¹⁴.

Средиходящих на молитву резко бросается в глаза группа молодежи, значительно отличающаяся от остальных мусульман, прежде всего, своей внешностью (большие косматые бороды) и одеянием (подогнутые концы штанов). Эти фейс- и дресс-коды, по мнению мусульманского духовенства¹⁵, являются внешними признаками салафитов – нового для татар и других мусульманских народов России исламского течения.

Салафиты полностью отбрасывают многовековую религиозную традицию, которая существует у мусульманских народов. Это особенно касается татаро-башкирских традиций ислама, которые сегодня становятся перед реальной угрозой забвения и уничтожения салафитами. Например, это *абыстай* (женщины, хорошо знающие Коран и специально приглашаемые на дом для его чтения), поминки на 3-й, 7-й, 40-й день и через 1 год после кончины, национальные праздники (Сабантуй и традиционные джиены), Мавлид-байрам (День рождения пророка Мухаммеда).

Еще одну угрозу для татарского народа, по мнению традиционного татарского (ханафитского) духовенства, салафиты представляют своим отказом от использования татарского языка в общении. Универсальным языком распространения салафитских идей в России является язык межнационального общения – русский. Это наиболее удобно для пропаганды поверх этнических границ. Кроме того, и среди татарской городской молодежи многие не владеют татарским языком.

Благодатную почву для восприятия салафитских идей молодежью создают: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточная социальная зрелость, недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а, следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

Как писал убитый Валиулла Якупов, «они (салафиты) не стремятся слиться с окружением, принять утвердившиеся здесь обычаи, образ

¹⁴ *Ходжаева Е. А.* Особенности мусульманской идентичности Татарстана: по материалам социологических опросов и глубинных интервью. // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы. М-лы I международного научно-практического симпозиума (19–20 февраля 2009 г.). В 2 т. / под ред. Б. М. Ягудина. Казань: Intelpress+, 2010. Т. 2. С. 234

¹⁵ Ваххабизм в России должен быть запрещён: интервью с заместителем муфтия республики Татарстан Валиуллой Якуповым. // Интерфакс-Религия. 2010. 16 мая. <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=interview&id=267>

жизни, мусульманскую культуру. Они все чаще рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознают свою специфику, свои интересы и возможность их отстаивать, используя правозащитные и юридические средства... Эти группы, особенно ваххабитские, образуют наиболее предрасположенную к активному протесту категорию верующих. Они не только сами противостоят общепринятой мусульманской культуре, но и соответствующим образом воздействуют на другие группы более толерантных верующих»¹⁶.

В последние годы в ПФО неоднократно задерживались члены радикал-исламистских сообществ за совершение и подготовку террористических и диверсионных акций. Эти инциденты позволили говорить о том, что радикал-исламистское подполье Татарстана готовится к проведению серии терактов во время Универсиады-2013 в Казани.

Структура салафитского сообщества в Татарстане состоит из четырех категорий людей и больше напоминает пирамиду. Первую группу составляет элита мусульманской уммы Татарстана; в нее входят около семи человек, которые сами принадлежат к официальным мусульманским организациям и стараются заручиться поддержкой государства, используя свой официальный статус для создания благоприятной среды для распространения и укоренения салафизма в республике. Вторую категорию образуют имамы-мухтасибы, которые на местах содействуют деятельности салафитов. В третью группу входят проповедники, работающие с населением, прихожанами мечетей, опираясь в большей степени на молодежь. Именно эти проповедники активно выступают с критикой традиционного ислама, называя все национально-религиозные обычаи татар не соответствующими «чистому исламу». И, наконец, четвертую группу салафитского сообщества образует мусульманская молодежь, которая восприняла идеи проповедников. Именно из этой среды впоследствии выходят те, кто берется за оружие.

Важной тенденцией последних лет стала «ваххабизация» криминального сообщества. Если раньше рэкет торговцев на базарах осуществлялся по принципу «платишь дань – получаешь «крышу», то сегодня криминал пытается окрасить рэкет в религиозные тона (закят – «благотворительный взнос» в пользу джамаата для мусульман или джизья – налог для «неверных»). Происходит распространение радикал-исламизма среди заключенных. Оказавшись на «зоне», салафиты начинают вести «дагват» (пропаганду) среди других заключенных и сколачивают джамааты. Многим заключенным импонирует идеология ваххабитов, поскольку предыдущие «грехи» (преступления), совершенные до активного принятия ислама, в этом случае списываются, а совершение их в дальнейшем оправдывается, ибо новые преступления трактуются как часть «джихада». Нежелание исламистов жить по

¹⁶ Якупов В. Анти-Ислам (о раскольнической сущности ваххабитов-реформаторов). / Валиуллы Якупов // Мусульманский мир. Казань: Иман, 2006. Сентябрь. С. 10

«ментовским» законам (т.е. по законам российского государства) также поднимает их в глазах уголовников, живущих по «понятиям». Если эта тенденция получит развитие и религиозные экстремисты распространят свое влияние в т.ч. и на «элику» уголовного мира, то в перспективе именно салафиты смогут задавать тон всему преступному сообществу.

Среди радикально настроенных татарских националистов наблюдается сочувствие к салафитскому подполью, несмотря на негативное отношение салафизма именно к национальным обычаям татар. Сами салафиты на своих интернет-ресурсах ни о каком независимом татарском государстве не говорят. В представлении салафитов, Татарстан, как и вся Россия, в будущем должен стать частью одного мирового Халифата.

Радикал-исламисты, ведущие вооруженную борьбу против российского государства на Северном Кавказе, все чаще призывают к распространению «джихада» на Поволжье, и конкретно на Татарстан и Башкортостан. Эта тенденция окончательно оформилась в последние два года, совпав с качественными изменениями в татарстанском мусульманском сообществе. Угроза перехода татарстанских и башкортостанских салафитов от слов к делу представляется достаточно серьезной. Именно теперь абстрактные обещания стали конкретизироваться в пространственных материалах салафитских пропагандистов, делающих ставку на татар и башкир. В перспективе возможно перерождение национал-сепаратистов в «моджахедов», тем более что у татарской националистической молодежи существуют многочисленные точки соприкосновения с молодежью радикально-исламистской.

Общий тон высказываний на ваххабитских форумах существенно изменился в сторону усиления пропаганды вооруженного джихада в Поволжье и учащения призывов к скорейшему его началу. Обсуждение этой темы на собственно татарских форумах не демонстрирует особых подвижек общественного мнения, но при таких усилиях ваххабитов это – вопрос времени. На мусульманское информационное пространство Татарстана все больше распространяется влияние кавказских экстремистских интернет-ресурсов¹⁷.

Со стороны радикал-исламистов наблюдается также интерес к выстраиванию союзнических отношений с татарскими и башкирскими национал-сепаратистами. После теракта 19 июля 2012 г. в Казани радикал-исламисты и татарские «светские» националисты неоднократно совместно участвовали в антироссийских митингах и пикетах (29 июля, 5 и 19 августа), проводимых под предлогом «протеста против преследования мусульман со стороны властей». В медиа-пространстве татарские националисты выполняют роль адвокатов террористов, выставляя последних в качестве «невинных жертв ФСБ».

¹⁷ Амелина Я.А. «Кавказский след» татарстанского салафизма // Первые Саматовские чтения (сборник материалов) / Сост. В. Якупов. – Казань: Иман, 2010. – С. 37-46

За последние годы Татарстан из-за попустительства властей республики превратился в своеобразный «питомник» для радикал-исламистов. В Татарстане созданы все условия для неконтролируемого роста религиозных экстремистов, готовых по первому призыву своих лидеров идти с оружием в руках против «неверных», которыми они считают и мусульман-традиционалистов. В республику для «обмена опытом» приезжают ваххабиты из других регионов. В настоящее время осуществляется «экспорт» исламского экстремизма из Татарстана в соседние регионы. Между радикал-исламистами Татарстана и Башкортостана существует отлаженная взаимосвязь. Они налаживают координацию деятельности с террористическим подпольем Северного Кавказа.

До сих пор в тех или иных формах (как открыто, так и неофициально) из республиканского госбюджета Татарстана поддерживается антироссийская деятельность татарских националистов, которые являются союзниками радикал-исламистов. В этом регионе радикал-исламистское сообщество действует тремя направлениями:

1) Подпольное, собственно террористическое (боевое) крыло, сформированное приверженцами ваххабизма. Есть основания полагать, что в подпольном крыле наибольшим влиянием пользуются те ваххабиты, которые для получения боевого опыта отправляются в Афганистан, Пакистан, Сирию, после чего возвращаются на территорию России для ведения «джихада» уже на родине.

2) Общественно-политическое крыло, сформированное в основном членами «Хизб-ут-Тахрир».

3) Лоббистское крыло, действующее в органах власти – представители местной бюрократии из числа приверженцев ваххабизма и сочувствующих радикал-исламистам татарских националистов.

Слаженные политические акции ваххабитов в Татарстане происходят по следующему сценарию. Как только боевое крыло заявляет о себе терактами в форме взрыва или обстрела, через некоторое время на арену выходит политическое крыло исламистов. Именно так произошло после теракта 19 июля 2012 г., когда «хизб-ут-тахрировцы» организовали целую череду митингов, пикетов и автопробегов «в защиту прав мусульман» в Казани и Набережных Челнах (29 июля, 5 и 19 августа, 24 октября и 22 декабря 2012 года). Когда же возмущенное общество требует обуздать радикал-исламистов, тогда начинает работу лоббистское крыло исламистов в органах власти Татарстана, всячески блокируя действия правоохранительных структур.

Потенциал роста ваххабизма в Башкортостане также далеко не исчерпан. Уже упомянутый выше спонсор националистических группировок Мухамедьяров в последнее время был замечен и в поддержке религиозных экстремистов. В частности, прошедший в середине марта 2013 года в Уфе митинг протеста «против притеснений

мусульман», в котором приняли участие около 400 человек (в основном членов «Хизбут-Тахрир»), был инициирован с помощью избирательного штаба Мухамедьярова и создаваемой им «Всероссийской партии народного управления» и широко освещался СМИ, принадлежащими предпринимателю.

2.3. Реакция русских на этноконфессиональные процессы в регионе

Русские в Республике Татарстан являются вторым по численности этносом после татар. При этом численность русских за постсоветский период в Татарстане сократилась: если по данным еще советской переписи 1989 года они составляли 43,3% (1 575 361; татар насчитывалось тогда 1 765 404, или 48,5 %), то в 2002 году русских было 39,5% населения (1 492 602; татар – 2 000 116, или 52,9%). Сокращение численности русских за этот двадцатилетний период на 74 тысячи человек вызвано не только низкой рождаемостью (татарские семьи сегодня также в основном малодетные), но и миграцией русского населения из региона, хотя по экономическим показателям Татарстан является одним из относительно успешных субъектов РФ. Отток русского населения вызван прежде всего национальными и религиозными проблемами русских в этой республике, совокупность которых и составляет «русский вопрос» в Татарстане.

«Русский вопрос» в Татарстане состоит из трех главных проблем этноконфессиональной напряженности в регионе¹⁸:

1) Отсутствие должного этнического представительства русских в органах государственной и муниципальной власти.

На сегодняшний момент из 17 министров правительства Татарстана только 1 – русский, из 43 глав муниципальных районов республики только 8 – русские, из 120 депутатов местного парламента – 29 русских (24%). На уровне высших эшелонов региональной власти (президент Татарстана, государственный советник, премьер-министр, глава местного парламента, глава республиканского Верховного суда) русских нет вообще. Подобный явный этнический перекоп позволяет говорить об этнократическом характере политического режима в Татарстане. Более того, со стороны правящей элиты региона не скрывается подобная дискриминация, ей находят даже «оправдания» в виде утверждений официальных лиц о... неполноценности русских как народа. Так, в 2010 году глава Государственного Совета Республики Татарстан Фарид Мухаметшин объяснил на встрече с журналистами отсутствие русских на

¹⁸ Ордынский В. Русские в современном Татарстане: положение, проблемы, поиск путей их решения. // Сайт Агентства политических новостей. 1 декабря 2011. <http://www.apn.ru/publications/article25467.htm>

руководящих постах тем, что «нам нужны профессиональные кадры, а среди русских таких не всегда встретишь».

2) Этнолингвистический конфликт: проблема русского языка в школах Татарстана.

Придание государственного статуса татарскому языку в начале 1990-х годов привело к его обязательному изучению в школах Татарстана, при этом законодательно на региональном уровне было введено равное с русским языком и русской литературой по количеству часов его преподавание. За 10 лет обучения в средней школе дети получают 700 часов русского языка, в то время как в других регионах России – 1200 часов.

В отличие от русского, являющегося языком межнационального общения, татарский язык – это язык внутринациональной коммуникации, что, естественным образом, резко снижает его прикладное значение. Некачественно составленная учебная литература по татарскому языку, где значительно больше отдается предпочтение изучению грамматики в ущерб разговорной речи, также затрудняет его усвоение. За 20 лет не было создано ни одного учебника или пособия, которое бы позволяло облегчить усвоение татарского языка, несмотря на наличие в Татарстане практически в каждом государственном вузе кафедры татарского языка, в федеральном университете – отделения татарской филологии, и целого специализированного Института языка, литературы и искусств – в составе Академии наук Татарстана.

Этнолингвистический конфликт в Татарстане – это не конфликт между русскими и татарами, это конфликт между русскоговорящим населением и региональной этнократией¹⁹, которую публично поддерживают татарские национал-сепаратисты. Нежелание властей преодолеть эту ситуацию путем разрешения выбора родителями детей одного из трех стандартов образования, закрепленных в федеральном законодательстве, приводит к росту возмущения, вылившегося в массовые уличные протесты в 2011-2012 годах в Казани и Набережных Челнах. В ответ при негласной поддержке региональных властей в роли «защитников татарского языка» выступили местные сепаратисты, которые организовали митинги и пикеты с русофобскими лозунгами («Чемодан, вокзал, Россия!», «Татарстан – это не Россия!», «Рязань вас ждет!» и др.), на которые, несмотря на возмущение общественности по всей России, федеральная и республиканская власти никак не отреагировали.

При этом республиканские власти периодически обрушивают наказание на тех родителей, которые критически высказываются по

¹⁹ Салагаев А.Л., Лучишева Л.В. Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречий языковой и образовательных политик. // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Сб. мат. VII Всерос. науч.-практ. конф. «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12-15 октября 2011 г. – Казань: КНИТУ, 2011. – С.162

поводу сложившейся практики языкового образования или даже отказываются от татарского языка как дисциплины обучения. Так, в настоящий момент, в отношении русских родителей Павла Хотулева из Казани и Виктории Можаровой из Нижнекамска ведутся судебные тяжбы, что воспринимается русской общественностью как расправа.

Принудительное двуязычие региональные власти воспринимают как «дело принципа», что и озвучил в своем недавнем послании президент Татарстана Рустам Минниханов, не приведя никаких убедительных аргументов в необходимости его сохранения в той форме, в какой оно сейчас существует. Русским населением Татарстана это воспринимается как дискриминация.

3) Национальная и религиозная культура русских в Татарстане.

Отсутствие должного финансирования национально-религиозной культуры русских на фоне значительных бюджетных затрат на ту же сферу для татар порождает возмущение. К этому стоит добавить откровенно пассивную позицию местной митрополии Русской православной церкви, предпочитающей не поднимать вопросы финансирования и поддержки религиозной жизни православной общины перед местным руководством, чтобы лишний раз не раздражать его этим. Татарстан остается одним из немногих российских регионов, где по-прежнему православные храмы используются под музеи, как это можно наблюдать в Казани, где в Дворцовой церкви Казанского Кремля располагается... «Музей истории государственности татарского народа».

Бурное строительство мечетей (в Татарстане их численность составляет 1300) и на этом фоне заметная малочисленность церквей (около 220) при наличии огромного числа находящихся в заброшенном состоянии православных храмов дают повод для обвинений и в адрес региональных властей, и в адрес местного митрополита Анастасия. Отсутствие действенного религиозного просвещения в духе православия среди русского населения, особенно молодежи, приводит к заполнению этого духовного вакуума уходом в неоязычество либо принятием ислама, зачастую радикального толка.

Организация массовых мероприятий для татарской молодежи и полное отсутствие чего-то подобного для русской молодежи порождает справедливые обвинения в адрес региональных властей. При этом попытки самоорганизации русской городской молодежи для оздоровительно-спортивных или культурных мероприятий национальной общины («Русские пробежки», деятельность клуба «Русское кино» в местном Доме дружбы народов и др.) нередко наказываются. Подобные же национально-ориентированные мероприятия, но устраиваемые татарскими организациями (Союз татарской молодежи «Азатлык» и др.), поддерживаются.

Региональные власти под «русской культурой» нередко понимают лишь организацию фольклорных мероприятий. Однако поддержка

высокой русской культуры (финансирование изданий книг местных русских писателей, развитие русского театрального движения, открытие музеев, посвященных русским деятелям, связанных с регионом и др.) стабильно отсутствует.

Вся совокупность национально-религиозных проблем русских в Татарстане порождает у них ощущение неполноправия и второсортности в своей стране. Это, в свою очередь, ведет как к радикализации мировоззрения части русского населения, особенно молодежи, так и к эмиграции из республики. Побуждающим фактором последней является рост исламского фундаментализма в Татарстане, делающий проживание здесь для русских небезопасным. Опыт Северного Кавказа показывает, что отъезд русских из национальных регионов неизбежно ведет оставшееся в них местное нерусское население к архаизации, исламизации и сепаратизму.

2.4. Выводы и рекомендации

Разыгрывание национальной и исламской «карты» в Поволжье может иметь место в равной степени как со стороны региональных властей (что более выражено сегодня в Татарстане), так и со стороны оппозиции (о чем можно судить по текущей ситуации в Башкирии). Не стоит сбрасывать со счетов заинтересованность зарубежных стран в появлении новой «горячей точки» в Поволжье. Примечательно в этой связи учащение визитов в Казань и Уфу иностранных журналистов, политологов, дипломатов, проявляющих повышенный интерес к этнорелигиозному радикализму в республиках Поволжья. На фоне появления террористического подполья, действующего по сетевому принципу в Татарстане и имеющего связь на уровне координации и обучения с северокавказскими единомышленниками из «Имарата Кавказ», не исключено повторение ингушко-дагестанского сценария в Поволжье при наличии локальных особенностей²⁰.

Показательным примером того, что в сфере религиозной политики роль федерального центра малозначительна, стала отставка с поста муфтия Татарстана Ильдуса Файзова, убежденного сторонника традиционного для татар ислама ханафитского мазхаба (недавно ставшего жертвой покушения со стороны террористов) и выборы нового главы мусульман этого региона. Практически незамеченной со стороны Москвы осталась состоявшаяся 17 апреля 2013 года замена Файзова на Камиля Самигуллина, в религиозном плане ориентирующегося на Турцию.

²⁰ Татарстан ждет ингушко-дагестанский сценарий исламизации? // ИА REGNUM. 2010. 18 ноября. <http://www.regnum.ru/news/1347605.html>

Полная неспособность федеральных чиновников, отвечающих за религиозную сферу, хоть как-то повлиять на процесс и предотвратить уход пророссийски ориентированного религиозного деятеля продемонстрировала отсутствие реальной вертикали власти между Москвой и регионами в религиозной политике. Казанскому Кремлю удалось настолько успешно преподнести добровольность и неожиданность ухода Файзова, что федеральному центру ничего не осталось, как только подстраиваться под решение региональных властей Татарстана.

Одним из симптомов исламизации Поволжья является поведение региональной элиты как на уровне руководства республик, так и на уровне руководителей муниципальных образований. Нередко главы районов выступают в роли покровителей местных фундаменталистов. Исследователи назвали подобный феномен «ваххабитским холдингом», имея в виду сращивание бюрократии, бизнеса и радикального духовенства.

Национал-сепаратизм в республиках Поволжья идет по пути окончательного объединения с исламскими фундаменталистами, что ведет к доминированию последних в идеологическом плане²¹. Вполне вероятны также тактические сближения сепаратистов и исламистов с «белоленточной» оппозицией на почве общего неприятия политической системы России.

Стоит добавить, что в ближайшие 5-10 лет произойдет окончательный выход на общественно-политическую арену России мигрантов (особенно второго поколения, уже родившегося в стране, но не интегрированного в культурном плане), причем как внешних, так и внутренних (с Северного Кавказа). Тенденция к участию мигрантов в рядах исламских фундаменталистов в Поволжье стала ощутимо заметной в последнее время.

На фоне исламизации и латентной дискриминации нетитульного населения в национальных республиках Поволжья высок уровень миграционных настроений в среде русского населения, что особенно заметно в молодежной среде, не видящей перспективы для карьерного роста и испытывающей угрозы личной безопасности. За последние 20 лет федеральный центр даже не стремился использовать русское население для усиления своего влияния в регионах, предпочитая иметь дело с местной этнократической элитой, демонстрирующей свою лояльность в обмен на гарантии экономического благополучия. Исход русского населения, конечно, менее стремительный, чем на Северном Кавказе, но в перспективе реальный и заметный, приведет к уходу российской государственности из этих регионов.

²¹ Амелина Я.А. Религиозно-политические искания радикальной части участников татарского национального движения и внешний фактор // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. - С. 61-79

Некоторые из рекомендаций по противодействию радикальному исламу уже сделаны в первой главе доклада. Помимо этого, представляется необходимым:

1) усилить ротацию региональных руководителей и мэров городов в национальных регионах: их длительное пребывание на посту фактического «хозяина» республики приводит к укреплению клановой системы управления; наиболее удачным способом ротации может служить повышение республиканского начальника путем назначения на руководящий пост в федеральных органах власти;

2) противодействовать практикам этнической дискриминации представителей «нетитульных» этносов на государственной службе в национальных республиках;

3) ограничить возможность для получения зарубежного религиозного образования путем укрепления отечественных мусульманских учебных заведений;

4) разрешить этнолингвистический конфликт в Татарстане и Башкортостане путем обеспечения права родителей выбирать для своих детей, в соответствии с федеральным законом, такой стандарт образования, который позволяет изучать русский язык не только как государственный, но и как родной язык (разница между «государственным» и «родным» языком заключается в наличии у последнего серьезной культурологической нагрузки и увеличении количества часов на его преподавание); в идеале – настоять на добровольном изучении татарского и башкирского языков;

5) усилить поддержку татарских и башкирских молодежных организаций, настроенных на участие в совместных мероприятиях и культурно-просветительских проектов с русской молодежью с максимальным освещением подобной деятельности, при этом подобные акции должны перейти на постоянную основу;

6) прекратить практику ограничения и преследования деятельности русских национальных организаций в регионе, поощрять самоорганизацию русских на этнической основе для культурно-просветительской и правозащитной деятельности, способствовать организации русских национальных молодежных культурных мероприятий (их отсутствие при проведении аналогичных татарских и башкирских акций для молодежи создает ощущение дискомфорта для русской молодежи и способствует ее уходу в радикальные националистические группировки, иногда порой откровенно нацистского характера);

7) прекратить практику заигрывания с местными радикал-исламистами, потворствуя последним уступками и нерешительностью; это должно сочетаться с принципиальной поддержкой традиционного для России ислама, лояльного российской государственности;

8) последовательно применять к ваххабистской среде самый широкий диапазон средств борьбы с организованной преступностью, включая оперативную, разведывательную деятельность, корректировку законодательства, развитие профильных оргструктур и т.д.;

9) активизировать контрпропаганду против террористического и криптотеррористического сектанства;

10) ограничить миграционные потоки (в особенности из Центральной Азии), которые уже сегодня являются ощутимым фактором нарастания этнорелигиозной напряженности в регионах Поволжья и России в целом.

3. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНО- И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ РОССИИ

3.1. Социально-политическая ситуация

Российский Северный Кавказ представляет собой один из наиболее проблемных и уязвимых регионов страны. Именно оттуда исходит наибольшее количество этноконфессиональных вызовов. На Северном Кавказе как нигде больше в России за последние два десятилетия резко проявилось социальное расслоение полиэтничного социума на фоне экономического упадка, резко снизившейся управляемости обществом, массовой безработицы, тотальной коррупции и криминализации хозяйственной деятельности.

Показатели экономического развития регионов Северного Кавказа – самые низкие по России (с исключением для некоторых видов сельскохозяйственной продукции). Основу благосостояния здесь создаёт теневая экономика вкупе с нецелевым расходованием федеральных дотаций. Механизм этого экономического паразитирования Северного Кавказа на остальной России, сложившийся в последние 20 лет благодаря, прежде всего, политическим факторам, будет рассмотрен в дальнейшем.

После распада СССР власти суверенной РФ стали опираться в каждой республике Северного Кавказа на один из местных кланов, принадлежащих к титульному этносу, предоставили ему контроль за крупными федеральными дотациями и широкие полномочия во внутренней политике, закрыли глаза на его многочисленные нарушения законов и коррупционные проделки. Все это было дано в обмен на демонстрацию республикой внешней лояльности по отношению к Москве и поддержку существующей федеральной элиты на выборах.

В результате Кавказ захлестнула волна коррупции, чиновничьего всевластия и вопиющего социального неравенства. Все это вынуждало людей искать новые способы существования и новую опору в жизни, включая новую самоидентификацию, инструменты регулирования общества и т.д. В этих условиях закономерными стали попытки многих кавказских народностей найти себя в этничности, клановости, религии и архаичных инструментах саморегуляции. Это повлекло за собой культурный регресс, распространение агрессивных идеологических концепций националистического и религиозного толка, потерю Россией роли морального лидера и арбитра.

Наибольшую опасность со стороны Северного Кавказа для России представляют угрозы этнорелигиозного характера. В начале 1990-х гг. здесь произошли два вооруженных конфликта (из восьми на территории бывшего Советского Союза): осетино-ингушский (октябрь-ноябрь 1992 г.) и российско-чеченский (1994-1996 и 1999-2001 гг., сопровождаемый

внутричеченскими столкновениями на протяжении всего постсоветского периода). Несмотря на «заморозку» двух открытых конфликтов, политическое их решение на сегодняшний день не найдено.

Что же касается Чеченской Республики, то, с одной стороны, вопрос о ее выходе из состава РФ не является сегодня актуальным, с другой – региональная элита согласилась на сохранение Чечни в составе России, но на привилегированных условиях (фактическая самостоятельность руководства республики, в т.ч., местных силовых структур, беспрецедентная финансовая поддержка со стороны федерального центра и т.д.), которой лишены другие регионы РФ. Несмотря на явные позитивные изменения по восстановлению хозяйства в Чечне, следует отметить, что федеральные дотации в этом регионе в подавляющем количестве случаев идут не на создание производительной экономики, а на строительство инфраструктуры, в том числе, и с элементами непопозволимой роскоши. Это приводит к тому, что республика все больше начинает зависеть от федерального бюджета, не стремясь зарабатывать деньги самостоятельно.

По сути, с федеральных силовых структур была снята ответственность за окончательный разгром боевиков. Тем не менее, даже после отмены режима КТО в Чечне продолжается диверсионно-террористическая активность (в 2012 году ее жертвами стали 174 человека, 82 из которых были убиты), а республиканская власть, противодействуя этому движению, в то же время наращивает объемы собственных полномочий и притязаний. Так, 16 апреля 2009 года в Грозном открылся международный аэропорт (с таможней). В 2012 году Рамзан Кадыров интенсифицировал территориальные претензии к соседней Ингушетии (Сунженский район), что выразилось в принятии поправок в закон о данном муниципальном образовании и серии конфликтов с главой Ингушетии Юнус-беком Евкуровым.

Помимо актуализированных (открытых) конфликтов на Северном Кавказе развиваются латентные (скрытые) конфликты. Между кабардинцами и балкарцами в Кабардино-Балкарии, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии, аварцами и чеченцами-аккинцами, кумыками и даргинцами в Дагестане, различными этническими группами на Кубани и в Ставрополье отношения не единожды обострялись, не достигая, правда, уровня вооруженного противостояния.

Большая часть конфликтов на Северном Кавказе тесно связана с конфликтами в Закавказье, и наоборот. Правоммерно говорить о феномене «связанных конфликтов», решить которые можно только в комплексе.

Одним из ярких примеров этому является «осетинская проблема». Грузино-осетинский конфликт вылился в масштабное вооруженное столкновение в январе 1991 – июле 1992 гг. Он оказал существенное воздействие на ход и результаты осетино-ингушского конфликта.

Грузино-абхазский конфликт способствовал консолидации адыгских этнонациональных движений («черкесского мира») в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, а также активизации Конфедерации горских народов Кавказа. Перечисленные республики и организация сыграли значительную роль в грузино-абхазском конфликте 1992-1993 гг. Стремление Грузии в 2011-2012 гг. разыграть карту т.н. «черкесского геноцида» во многом вызвано стремлением вбить клин между Абхазией и адыгским национальным движением Северного Кавказа.

Выдавливание из Грузии кварельских аварцев в начале 1990-х гг. привело к завязыванию конфликтного узла на Севере Дагестана. Переселяющиеся в Кизлярский и Тарумовский районы Дагестана аварцы (представляющие горский хозяйственно-культурный тип) вступили в конфликт с русскими и ногайцами (представителями равнинного хозяйственно-культурного типа). Как следствие, отток русского населения из северных районов Дагестана. Проблемы этнонационального развития дагестанских народов Азербайджана (лезгины, аварцы) находятся в сфере пристального внимания, как властной элиты Дагестана, так и общественно-политических движений различных этнических групп этой республики. Демаркация и делимитация российско-азербайджанской границы (2010 год), в результате которой под юрисдикцию Баку попали два российских анклава с лезгинским населением (Храх-Уба и Урьян-Уба), вызвала новую дискуссию вокруг «лезгинского вопроса».

«Пятидневная война» в Южной Осетии в августе 2008 года снова подняла политическую роль северокавказских республик. В военных действиях против Грузии принимал участие батальон «Восток» (составленный из этнических чеченцев). Представители этнических движений Северной Осетии и Кабардино-Балкарии выразили готовность отправить добровольцев в зону конфликта. Тем самым были снова продемонстрированы возможности для мобилизации населения под лозунгами «защиты братьев» абхазов и осетин. В то же время Ингушетия (из-за осетино-ингушского конфликта) стала единственной республикой России, отказавшейся принимать беженцев из Южной Осетии.

3.2. Религиозный экстремизм (основное распространение – Восток региона)

В советский период влияние ислама на Северном Кавказе, особенно в его западной части, не было сколько-нибудь значительным. Поэтому в первой половине 1990-х гг. главным вызовом безопасности России на юге страны был этносепаратизм. Чечня была лишь наиболее ярким его примером. Другие же сепаратистские или ирредентистские проекты просто не переросли в открытые противоборства.

«Чистый ислам» как проект для Кавказа стал не только результатом вмешательства внешних сил (саудовцев, пакистанцев). Он был порожден, прежде всего, внутренней средой. Радикально-исламистский проект апеллировал к мировой религии (освобожденной от местных «искажений» и традиций), к универсальным ценностям (вне этносов, вирдов, тарикатов, кланов). В нем был сделан акцент на эгалитаризм, противодействие коррупции и социальной несправедливости. Идеологи «чистого ислама» умело использовали и психологические методы воздействия, адресуясь к неуспешным слоям молодежи. Его успеху способствовало и отсутствие у России внятной политики на Северном Кавказе.

Салафиты сделали краеугольным камнем своей пропаганды и агитации критику светской власти. Массовые злоупотребления местных чиновников служебным положением, коррупция, социальная дифференциация и, как следствие, высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения удобрили почву для успехов пропаганды и популярности салафитов у населения Северного Кавказа. На практике установки салафитов выражаются в стремлении к тотальной исламизации абсолютно всех сфер общественной жизни. Исламистское движение выступает с идеями создания исламского государства «Кавказский Эмират» и участия в глобальном джихаде против всех «врагов ислама» (включая не только Россию, но и США, ЕС, Израиль).

Все это время российские власти пытались противопоставить развитию ваххабизма на Кавказе традиционный ислам, но уже давно отчетливо видно, что он не может конкурировать с фундаментализмом. Традиционный ислам расколот, в значительной степени слился с властью и, как следствие, подвержен тем же порокам, что и она (например, присваивание общественных денег и роскошь на фоне нищенского положения пасты). В понимании немалой части кавказцев-мусульман традиционный ислам является продолжением ненавистной им власти, и это еще больше отталкивает от него значительную массу народа. В этой связи автоматически зачислять всех оппонентов официального духовенства в число «врагов России» было бы большой ошибкой. Т.н. «неофициальный ислам» далеко не тождествен ваххабизму и тем более терроризму.

В условиях вакуума законности, присущего клановой региональной системе при слабом федеральном центре, общество неминуемо предъявляет спрос на структуру, которая взяла бы на себя защиту интересов людей. В определенных кругах эту функцию начинают выполнять экстремистские джамааты. Они, в отличие от официальной власти, начинают восприниматься как народные защитники. Тот факт, что органы правопорядка борются против них, является в глазах людей дополнительным фактором делегитимации власти.

Локомотивом ваххабитского движения стала молодежь – наиболее остро переживающая отсутствие перспектив и испытывающая потребность в интенсивной солидарности. В Дагестане принадлежность к ваххабитскому движению стала уже чем-то похожим на молодежную моду - чтобы не быть белой вороной, молодой человек должен являться ваххабитом.

Популярность ваххабизма определила еще одно явление – под сторонников радикального ислама стало мимикрировать немало бандитских группировок, прикрывающих свои дела исламом, но на самом деле далеких от религии вообще. Это приводит к тому, что значительная часть преступлений, относимых СМИ и общественным мнением на счет ваххабитов, на самом деле совершается из банальных криминальных побуждений.

Фундаментальный ислам постепенно проникает во все сферы общественной жизни. С особенной силой это чувствуется в Дагестане. Судопроизводство в огромном количестве случаев совершается по исламским законам, де-факто разрешено многоженство, сделки с недвижимостью заключаются в мечетях, распространены строгие каноны одежды, продажа спиртного де-факто наказуема и т.д. Существует множество поселков, а подчас и районов, все или почти все жители которых исповедуют ваххабизм; в таких случаях официального муллу могут выгнать и поставить на его место собственного. Традиционный для Дагестана тарикатизм фактически проиграл ваххабитам. Если официально это еще не признается, то на практике, чтобы иметь возможность поддерживать доверие верующих, лидеры традиционного ислама сами вынуждены радикализироваться. Хотя они заявляют о себе как о последовательных противниках ваххабитов, в своей практике они также делают акцент на исламских, а не на светских нормах, в особенности на уровне повседневной жизни.

Уже сейчас можно говорить, что, по крайней мере, в Дагестане ваххабизм в его обоих течениях – мирном и немирном – перешел ту границу, до которой можно было надеяться победить его чисто силовым путем. Дело даже не в том, что количество его приверженцев в республике слишком велико. На этом этапе уже не очень понятно, кто будет искоренять его, т.к. практически у любого силовика среди ваххабитов есть друзья или даже родственники.

3.3. Этнический национализм (основное распространение – Запад региона)

Несмотря на выход исламизма на первый план, этнонационализм на Северном Кавказе сохраняет серьезное значение. В первую очередь, он проявляется в «черкесском вопросе» – настойчивых требованиях к России

предоставить адыгам особые привилегии, которые приведут к их этническому доминированию на Западном Кавказе.

За последние 20 лет адыгскими историками и общественными деятелями была создана концепция Кавказской войны, выставяющая черкесов как жертву преступной имперской политики и объявляющая Россию единственной виновницей бед черкесского народа.

В целях «исторической справедливости» адыгская элита требует от России признать «геноцид» и восстановить «статус-кво» на Кавказе, а именно:

1) Вернуть на Кавказ проживающую за рубежом (в основном в Турции и в арабских странах) и насчитывающую по разным оценкам до 5 млн чел. адыгскую диаспору.

2) Воссоздать единое административно-территориальное пространство «Черкесии» в рамках РФ, включив в него «исторические черкесские земли» по состоянию на 2-ю половину XVIII века. В новое образование должны войти земли, на которых ныне находятся три республики – КБР, КЧР и Адыгея, а также часть Северной Осетии и большие части Ставропольского и Краснодарского краев (включая почти все черноморское побережье).

Некоторые радикальные представители адыгских националистических кругов требуют от России выплаты всем адыгам обильных компенсаций за имущество, утраченное их предками в ходе Кавказской войны 150-200 лет назад.

При этом мало кто среди зарубежных адыгов сохраняет черкесскую этническую идентичность и чувствует сильную связь с исторической родиной. Поэтому не все адыгские организации поддерживают такие требования в максимальном варианте, опасаясь массового наплыва черкесов с иной идентичностью из-за рубежа, что будет угрожать положению ныне живущих на Кавказе черкесов. Однако в целом концепция «ответственности России за геноцид черкесов» и «восстановления исторической справедливости» имеет широкую поддержку в адыгских республиках и среди зарубежной черкесской диаспоры. Различие – лишь в уровне требуемой «компенсации».

Избрание Сочи (2007) столицей зимних Олимпийских игр 2014 года способствовало выходу проблемы на международный уровень. Черкесские народы считают, что Сочи расположен на их «исконной» земле. Грузинский парламент в 2011 г. признал «геноцид черкесов» в Российской империи. Понятие «геноцид» применительно к истории черкесов (адыгов) прежде уже было использовано в законодательстве субъектов РФ: в феврале 1992 г. в Кабардино-Балкарии и в апреле 1996 г. в Адыгее.

Характерно, что еще в 1994 году первый Президент Российской Федерации Борис Ельцин к 130-летию окончания Кавказской войны принес извинения за неоправданное применение насилия в отношении

горских народов со стороны Российской империи. А 24 июля 2010 года Президент России Дмитрий Медведев подписал новую редакцию закона о соотечественниках за рубежом, в соответствии с которой таковыми теперь могут считаться лица, «относящиеся к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации».

Попустительство российской власти такого рода ревизионизму крайне опасно. Выполнение требований адыгских организаций, даже в частичном виде, способно вызвать огромный социальный взрыв на Кавказе, т.к. послужит основанием для появления огромного числа аналогичных требований к России от других наций, тоже имеющих исторические претензии и желающих переиграть неудачные для них войны.

Вместе с тем, в самом адыгском движении, как внутри РФ, так и в диаспоре, нет единого понимания перспектив решения «черкесского вопроса». В ходе Всероссийской переписи 2010 года попытки черкесских активистов мобилизовать общественное мнение под лозунгом «один народ» и отказаться от использования принятых в советское время этнических маркеров (кабардинцы, адыгейцы, черкесы) в пользу единого черкесского этнонима не были успешными. Так в КБР только 0,29% записались черкесами, в то время как чуть более 57% (от общего числа населения республики, включающего также балкарцев, русских, осетин, месхетинских турок и других) предпочло записаться кабардинцами.

Радикализация массы черкесского населения может произойти при ухудшении экономической, административной ситуации или возникновении дополнительных поводов к мобилизации этнических чувств. Скорее всего, по мере приближения к Олимпиаде внимание к черкесскому вопросу будет нарастать. Нельзя исключать нанесение России серьезного репутационного урона или даже проведение терактов на этой почве.

3.4. Позиционирование Северного Кавказа и стихийный «русский ответ»

На Северном Кавказе за два последних десятилетия сложилось положение, которое характеризуется тремя одновременно идущими процессами:

1) Иждивенчество северокавказских республик по отношению к остальной России, подпитывающее религиозную, этническую и социальную архаику региона. Его экономика стала на 60-80% дотационной. Причем средства, воруемые местными этническими элитами из федеральных дотаций, инвестируются в более «спокойные» и благоприятные для бизнеса регионы РФ (Ставропольский, Краснодарский края, Ростовская и Астраханская область), уда мигрирует и значительная часть населения с Северного Кавказа.

2) Значительная часть населения, особенно молодежи, чувствует презрение и превосходство по отношению к России. Исходя из привитой им в последние годы идеологии, уроженцы Северного Кавказа считают, что принадлежат к «более древним, более благородным» и т.п. этносам и исповедуют наиболее «великую и правильную» религию. Россия же в их понимании является страной, принесшей их предкам и им самим много бед и обязанной сейчас за это расплачиваться.

3) Вместе с тем по российским законам эти люди являются полноправными гражданами России. Складывается очень удобная для них ситуация, когда они могут действовать исходя из своей этнической и клановой идентичности, но в нужные моменты прибегать к защите своих интересов на основе официальной принадлежности к идентичности общегражданской.

В результате вышеописанной ситуации многие выходцы из северокавказских республик широко расселяются по территории России (но главным образом в больших благополучных городах) и формируют «доминантные» клановые структуры, не слишком считаясь с интересами, правами и обычаями местного населения

При этом они уверены в своей безнаказанности. Как любые представители клановой системы, эффективно организованные по земляческому принципу, они имеют преимущество перед местными жителями. Они уверены, что в случаях совершения ими преступлений не понесут наказания, т.к. российские власти предпочтут не конфликтовать с Кавказом. Их многочисленные диаспоры всегда смогут оградить их от правосудия. В крайнем случае, они всегда смогут скрыться на свою малую родину, откуда достать их будет очень проблематично. Кроме того, подобными внутренними мигрантами часто оказываются люди, принадлежащие к кланам, контролирующим федеральные дотации. Они и в финансовом отношении чувствуют себя хозяевами на «завоёванной» ими российской территории. Некоторые эксперты называют такую ситуацию «обратной колонизацией».

Ситуацию усугубляет то, что Кремль действительно склонен закрывать глаза на множественные нарушения законности представителями кавказских народностей и очень часто предоставляет им индульгенцию от правосудия. В то же самое время, рамки законности для представителей не-кавказских народностей все время сужаются, а меры их наказания усиливаются. Со стороны это выглядит так, будто единого законодательства в стране не существует, и к людям разных национальностей и разного происхождения применяются принципиально разные нормы права.

За 20 последних лет русский народ и кавказские элиты (особенно в лице Чечни) полностью поменяли свои позиции по отношению к Кавказу и к его нахождению в составе России. Если в 1994 году чеченцы отделились от России, а россияне были готовы воевать за то, чтобы Чечня

осталась в ее составе, то теперь, «победив» ее, российские власти дали Чечне и всему остальному Кавказу такие огромные привилегии, что теперь уже кавказские республики не хотят выходить из состава России, а немалое количество россиян, наоборот, не хотят видеть их согражданами на таких условиях.

На низовом уровне российское общество несогласно с такими порядками и горячо хочет изменить их. Не случайно быстрое достижение популярности лозунгом «Хватит кормить Кавказ!», который на самом деле имеет не столько финансовую направленность, сколько служит показателем ментального неприятия нынешней системы взаимоотношения с Кавказом и нежелания совместного проживания при существующих условиях. Предпочтения граждан России явно склоняются к территориально-правовому размежеванию с этническими республиками Северного Кавказа в той или иной форме.

Еще одним показателем зреющего в стране протеста является отношение к кавказской политике людей, наиболее остро чувствующих ее последствия – русских, живущих на Кавказе. Так, известное заявление краснодарского губернатора Александра Ткачева, в котором он сообщил о создании казачьей милиции и о том, что будет «выдавливать» мигрантов с Кубани, вызвало большое одобрение среди простого народа Краснодарского и Ставропольского краев.

На усиление народного недовольства власть традиционно отвечает либо дежурными заявлениями о необходимости жить мирно, которые уже никого не могут убедить, либо прибегает к громкой риторике, но при этом продолжает политику улаживания этноэлит. Подобная реакция способна на короткий срок смягчить ситуацию, но при долгом использовании приводит к еще большему нарастанию протеста, поскольку публичные угрозы в адрес нарушителей порядка вызывают в обществе завышенные ожидания справедливости, которые всякий раз не исполняются. Это приводит к еще большему разочарованию властью и ведущейся ею политикой.

3.5. Выводы и рекомендации

Нынешнее положение Северного Кавказа в составе России адекватно описывается теорией государства-химеры Льва Гумилёва. Такому государству присуще бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, приводящих вместо единой ментальности к полному хаосу взглядов и представлений. При этом, согласно Л. Гумилеву, один из этносов в условиях государства-химеры может существовать в теле другого этноса подобно раковой опухоли, питаться за его счёт и не выполнять никакой конструктивной функции. Сама Химера может быть относительно пассивной либо же становится рассадником агрессивных антисистем. Возникшие в Химерах

антисистемы порождают антисистемные идеологии и часто выступают инициаторами кровопролитных конфликтов.

Нетрудно увидеть, что кавказские этнические общины заняли в современной химерической государственности нишу антисистемы, а ваххабизм выступает в роли антисистемной идеологии. Эта роль подчёркивается тесным симбиозом кавказского этнонационализма и радикального исламизма с ещё одной антисистемой – криминальной, что уже было отчасти показано на примере ситуации в Поволжском ФО. Ваххабиты завоёвывают место среди «авторитетов» криминального мира. Одновременно кавказские этнические диаспоры в некавказских регионах РФ являются важнейшим фактором криминализации всего российского пространства, ядром криминальных структур, проникающих в коррупционные поры государства и подменяющих функции государственных институтов обслуживанием интересов криминальных этнодиаспор.

По учению ваххабитов, современное государство, как носитель неисламского начала, должно уйти и быть заменено фундаменталистским государством, руководствующимся лишь законами чистого и строгого ислама. Именно здесь проходит очень четкая линия разлома, которую не до конца осознают российские власти, в том числе, и в мусульманских республиках. Если светский тип правления и светское государство не признаются ваххабизмом в принципе, то пропадает сама почва для переговоров. Как и с кем переговариваться, если они нас не признают? Пока исламские радикалы будут в меньшинстве и пока они не почувствуют свою силу, их «мирная» часть будет идти на некое подобие диалога, но это будет лишь тактическим шагом и попыткой выиграть время. Современное светское государство и ваххабизм несовместимы. Поэтому, как только радикальному исламу представится возможность установить свою полную власть на какой-то территории, он, несомненно, к этому прибегнет.

Никаких иллюзий быть не должно: если существующие тенденции сохранятся (как в ослаблении позиций государства, так и в противоположно направленном ему усилении влияния ваххабизма), то уровень перехода в агрессивное состояние будет достигнут. Причем, вполне возможно, что кое-где, например, в Дагестане это не займет много времени. Увеличение количества ваххабитов практически от нуля до половины (по оценкам некоторых экспертов) всех мусульман республики заняло всего 14 лет.

Тогда тема сепаратизма и перспектива строительства исламского государства на территории Северного Кавказа встанет со всей очевидностью и неизбежностью. При этом с большой вероятностью может оказаться, что простое отделение территорий, зараженных ваххабизмом, уже не сможет помочь, т.к. соседство с агрессивно настроенным, устремленным в архаику и живущим по законам

средневековья, но по-современному вооруженным соседом может обойтись еще дороже. Решать вопросы ваххабизма будет уже поздно.

На Северном Кавказе Россия вошла в традиционный для любой империи период удержания некогда присоединенных регионов. Этот период характеризуется прекращением расширения территории, ослаблением центра и его стремлением предотвратить «расползание» окраин наряду с формированием из своих граждан единой политической нации.

Во многих случаях сессии национальных окраин от ослабшей империи наблюдалась одна и та же последовательность: ослабление центра – передача больших прав, денежного содержания и иных активов провинциям с целью мотивации их нахождения в общем государстве – усиление и обогащение окраин на фоне взаимосвязанного с этим дальнейшего ослабления центра – достижение ими критической массы силы – разрыв. Нетрудно заметить, что сейчас Россия практически в точности повторяет исторический опыт уже погибших империй и находится где-то в середине указанной последовательности.

Трудно сказать, можно ли переломить этот разрушительный сценарий (вероятно, это потребовало бы более радикальных мер, чем те, что представляются возможными сегодня). Однако его реализацию вполне можно замедлить. В этом контексте основными представляются следующие принципиальные задачи:

- деприватизация власти, сосредоточенной в руках региональных политико-финансовых кланов, наращивание российского федерального присутствия в регионе на основе не только жесткой, но и мягкой силы;
- формирование новой региональной элиты, не связанной советским и постсоветским кланово-этнократическим опытом, поиск и поддержка альтернативных (существующему руководству) лидеров;
- деэтнизация политики, преодоление регионального апартеида, насаждение российской гражданско-политической идентичности в национально-территориальных образованиях;
- реальная борьба с коррупцией, обеспечение безусловного соблюдения законности РФ на территории Северного Кавказа и искоренение касты «неприкасаемых»;
- минимизация исламистской угрозы (при том, что сегодня радикальный исламизм является главным антигосударственным протестным мобилизирующим идеологическим ресурсом);
- обеспечение лояльности среди представителей т.н. «неофициального ислама» (критикующего республиканское духовенство, но не вступающего на путь диверсионно-террористической борьбы и экстремистской антигосударственной пропаганды);
- формирование нового статус-кво в Закавказье на выгодных для России условиях.

Сегодня российский Северный Кавказ во многом повторяет опыт Ближнего Востока, Северной Африки, стран Центральной Азии, где этнический национализм отступает перед агрессивной исламистской пропагандой, использующей идеи социальной справедливости и наднациональные ценности и лозунги. В этой связи первостепенной задачей является понимание того, кто может стать основным союзником государства в решении этой проблемы «на местах». Сегодня российское федеральное присутствие ориентируется по большей части либо на силовые структуры и спецслужбы, либо на бюрократические аппараты. У федерального центра нет серьезной низовой поддержки в виде гражданских неправительственных структур и условно говоря «агентов гражданской нации», заинтересованных в преодолении существующего местничества в сфере управления и монополизма в экономической сфере.

Успешная деприватизация власти в республиках Северного Кавказа возможна только при одновременном давлении на кланово-олигархические режимы (которые своей деятельностью провоцируют и этнический, и религиозный экстремизм) сверху (то есть непосредственно из федерального центра) и снизу (посредством усиления гражданских структур, ориентированных на усиление общероссийского присутствия). Для противодействия новым северокавказским феодалам недостаточно одних режимов КТО или введения дополнительных военных сил. Нужны гражданские агенты общероссийского влияния (в т.ч. из рядов недовольных региональной коррупцией, пострадавших журналистов, правозащитников и предпринимателей, готовых рассматривать федеральный центр как гарант их общественной и экономической деятельности).

При этом поддержка гражданского общества и СМИ на Северном Кавказе должна носить адресный характер. Поэтому следует отказаться от порочной практики опоры на совершенно негодные инструменты, такие как национально-культурные автономии, поскольку эти структуры, как правило, педалируют архаические представления об этничности, не ориентированы на модернизацию страны, заинтересованы в региональном апартеиде. Адресная поддержка изданий и гражданских проектов должна осуществляться при одном принципиальнейшем условии – поддержка ими приоритетов российской государственной общности и единого правового поля поверх этнорегиональных границ.

Если на сегодняшний день экстремистские структуры сильны своими сетями, государство должно противопоставить им гражданские сети. К таким можно отнести региональные СМИ, общероссийские социально-политические структуры в регионах, бизнес, поддерживаемый из Москвы и нацеленный на демополилизацию кланово-олигархического бизнеса республик, образовательные проекты, особенно в гуманитарной сфере.

Эти региональные «гражданские сети» могли бы снизу поддерживать модернизационные импульсы российского государства, при этом

- во-первых, корректируя возможные ошибки государственных институтов,
- во-вторых, выступая поставщиками альтернативной социально значимой информации,
- в-третьих (и это, пожалуй, самое главное), становясь кадровым резервом для новой северокавказской элиты (нынешняя региональная элита не заинтересована в глубокой модернизации региона, ей необходимы архаичные управленческие практики).

Таким образом, деприватизация власти на Северном Кавказе теснейшим образом связана с проблемой кадрового обновления. Очевидно, что обеспечить управление регионом, привлекая кадры только из центра, невозможно. В этой связи необходимы срочные меры по формированию новой кадровой элиты региона, ориентированной не просто на нового «сеньора» и новые патронно-клиентские связи, а на ценности правового и светского государства, и имеющей выраженную общероссийскую лояльность.

Официальное исламское духовенство республик не может рассматриваться как вполне надежный инструмент российской политики. Оно является частью кланово-олигархических группировок (это – их идейно-политический аппарат), занятых приватизацией власти. Эта группа заинтересована в сохранении местничества, регионального апартеида, закрытости власти, ксенофобии, а не модернизации общественных отношений. В этой ситуации резервом для нормализации обстановки могут стать так, в том числе, и так называемые «неофициальные мусульмане» – те, кто занимает неконформистскую позицию по отношению к официальному духовенству, но не связал себя с ваххабитским подпольем. Их идеологическая база – лозунги социальной справедливости, неприятие коррупции и кумовства, отказ от жесткой этнизации общественных отношений – может быть перехвачена российской властью.

Но задача государства, подчеркнем, совсем не в том, чтобы переключить внимание и поддержку с «официального» ислама на «неофициальный», а в том, чтобы доказать: оплотом российского присутствия в регионе являются не те или иные группы и направления в исламе, а сами государственные институты, обеспечивающие запрос на правопорядок и справедливость.

Выполнение этой задачи позволит минимизировать предпосылки экстремистской и террористической антигосударственной активности, поскольку сама эта активность, по сути своей, является радикальной реакцией на приватизацию власти, коррупцию, сращивание власти и бизнеса, монополизацию экономических ресурсов, закрытость от критики и несправедливость в правоохранительных структурах и судах. Купирование этих социальных болезней сделает экстремальные политические лозунги менее востребованными.

На политическую конфигурацию на Северном Кавказе непосредственным образом оказывают влияние события в Закавказье. Актуальной задачей становится обеспечение высоких стандартов безопасности и экономического развития Абхазии и Южной Осетии для доказательства правильности их геополитического выбора, который не может быть гарантирован вечно. Обеспечение более высокого уровня безопасности неизбежно приведет к усложнению внутривнутриполитической повестки дня (появление оппозиции и прочее). Все это требует от российской власти более тонких подходов с использованием по преимуществу мягкой, а не жесткой силы. Российской власти следует отказаться от эксклюзивной поддержки действующих лидеров (в особенности это относится к Южной Осетии) при условии сохранения пророссийского вектора местных политиков (вектор важнее, чем личность). Во-первых, у действующих лидеров не должно создаваться иллюзий относительно их возможности управлять действиями России (оппозиция в этом плане является противовесом). Во-вторых, с помощью политической конкуренции у РФ всегда будет возможность получать более адекватную политическую картину из Абхазии и Южной Осетии.

Пора обратить внимание и на северо-кавказские диаспоральные организации в российских регионах. Будучи признанными и получая поддержку со стороны региональных, а то и федеральных властей, эти организации зачастую бездействуют, когда их земляки творят в российских городах беззакония и притесняют иных граждан, вступая в дело лишь когда ситуация накаляется и соплеменники могут пострадать.

Практика показывает, что подобное поведение диаспоральных организаций приводит некоторых выходцев с Кавказа к уверенности в своей безнаказанности.

Следует перенимать опыт некоторых развитых стран, в которых государство поддерживает лишь те диаспоральные организации, которые не только демонстрируют желание защитить своих земляков, но могут обеспечить их лояльность и законопослушание в месте пребывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. На сегодняшний момент непосредственная угроза сепаратизма «здесь и сейчас» в каком бы то ни было регионе РФ отсутствует. Однако распад государства может выражаться не только в территориальной сецессии, но и в невозможности / блокировании выполнения базовых функций и прерогатив государства, к числу которых относятся верховенство его юрисдикции на всей территории страны, поддержание базовых стандартов в сфере права и безопасности, монополия на легитимное насилие и т.д. Симптомы такого – социального – распада государственности (который не менее опасен, чем территориальный и, в конечном счете, перерастает в него) в Российской Федерации, к сожалению, имеют место.

В их числе:

Фактическое выпадение из правового пространства России ряда регионов (при сохранении официального суверенитета федерального центра): Чечня («экстерриториальность» и далеко выходящая за рамки закона автономия республиканских «силовиков», фактический иммунитет от преследования для отдельных физических лиц, ограничения в деятельности федеральных структур власти на территории республики, включая силовые и специальные службы, дотации как откуп от невозобновления боевых действий и т.д.), Ингушетия, Дагестан, в тенденции – некоторые другие республики Северного Кавказа (существование – в лице «подполья» – по сути параллельной системы власти и организованного насилия, обладающей как ресурсами воздействия на официальную власть и бизнес, вплоть до теневого «налогообложения», так и относительной легитимностью в глазах части населения). При всем различии, условно, «чеченского» и «дагестанского» сценариев развития событий, в обоих случаях прослеживается одна общая черта: формирование де-факто неподконтрольной федеральному центру системы организованного насилия, утрата государством ряда базовых прерогатив и их перехват иными центрами силы. Еще во время Кавказской войны XIX века Россия играла на противоречиях между сторонниками этнонационального движения (на тот момент, черкесского) и сторонниками имама Шамиля, насаждавшего мюридизм, справедливо считая мюридизм более опасным. На тот момент, эта ставка себя оправдала. Но при определенных обстоятельствах «вооруженная этнократия» может

оказаться не менее опасной для суверенитета страны, чем «фундаменталистское подполье».

Складывание этнократий практически во всех, даже «благополучных» республиках РФ, тенденции к правовому партикуляризму: Татарстан, Башкортостан, из числа не рассмотренных отдельно в настоящем докладе – Якутия—Саха и Тува (Тыва). Дискриминация в пользу титульных этносов национальных республик в системе государственной службы является негласной нормой, правящие элиты и / или контрэлиты этнических регионов активно разыгрывают этническую / этнорелигиозную карту для решения политических, административных, деловых задач. В большинстве случаев за национальным вопросом стоит вопрос имущественный, т.к. в чиновничьем государстве именно обеспечение доминирования титульной нации в административном аппарате позволяет ее элите приватизировать доступ к региональным активам. Попытки деэтнизации власти с высокой вероятностью приведут к всплеску национализма, инспирированного правящими этнокланами, которые в результате этого процесса могут лишиться власти и собственности.

Прогрессирующее распространение радикального политического исламизма. Исламистский радикализм в России представляет собой не столько богословское, сколько политическое явление – по сути, интегральную революционную идеологию, на базе которой формируется самоподдерживающаяся социальная *антисистема* (т.е. сообщество, выступающее деструктором того общества, к которому оно принадлежит, и при этом питающееся его слабостями). Сегодня эта «антисистема» находится в состоянии экспансии – территориальной (распространение на этнические регионы Поволжья, которым прежде собственно политический исламизм был чужд), этнической (пропаганда среди немусульманских народов), социальной (распространение по социальным стратам и «этажам»). Появляются поводы говорить об исламистском лобби на различных этажах власти, происходит сращивание с организованной преступностью. В целом, наиболее тревожной представляется экспансия исламистских и в т.ч. непосредственно ваххабитских «сетей» в трех различных, но критически важных типах социальных сред: молодежь, бюрократия, криминальный мир.

Актуализация, на уровне общественного сознания, этнокультурных разломов внутри РФ. Факторы, расслаивающие общегражданское сознание, оказываются подчас сильнее интеграционных факторов. Особенно примечателен конфликт «панкавказских» и «антикавказских» взглядов / стереотипов. Эта линия разлома явно выражена в молодежной среде. Но молодежный радикализм представляет собой лишь верхушку айсберга, т.к. в данном случае выражает глубинные этнические проблемы и процессы. А именно: комплексы исторической обиды и болезненные переходные состояния (связанные с распадом аграрного, традиционного общества на Кавказе), с одной стороны, и растущее чувство национальной ущемленности, второсортности русских (незащищенность перед этническими корпорациями при безразличии или попустительстве государства), с другой.

Любой из отмеченных симптомов, в случае малейшего толчка, – в виде экономического кризиса, внешней угрозы, возникновения внутривнутриполитического конфликта, дискредитации центральной или региональной власти – способен дать начало цепной реакции разрушительных конфликтов и сепаратизмов.

2. Арсенал федеральной власти в плане противодействия подобным угрозам весьма ограничен. Так, в регионах Северного Кавказа федеральный центр замкнут на местные правящие кланы, но лишен широких опорных групп в среде гражданского общества.

Ставка на «традиционный ислам» не решает в полной мере этой проблемы по нескольким причинам:

«Традиционный ислам» часто на практике трактуется (и государством, и обществом) узко – как официальный, со всеми вытекающими последствиями (официальное духовенство в ряде случаев воспринимается местным населением как один из фасадов раздражающей клановой системы власти).

Чем больше усиливаются позиции «ваххабитов» в глазах местного населения, тем больше вынуждены радикализироваться и лидеры «традиционного ислама», чтобы сохранять или завоевывать доверие верующих. В итоге формируется «спираль исламизации» все более широких сфер общественной жизни, а «фундаменталистский» и «традиционалистский» проекты оказываются двумя дорогами, ведущими в одном направлении.

Уязвимость России перед угрозой панисламизма – следствие кризиса самого российского государства. Еще в Османской империи периода ее заката ваххабизм проявил себя как эффективная технология демонтажа слабеющих государств. И в сегодняшней РФ он силен лишь слабостями страны (самыми различными – от клановости и коррумпированности госаппарата до дефицита национально ответственного и сплоченного гражданского общества). **Попытка государства опереться на «традиционный ислам» вместо того, чтобы самому крепко встать на ноги, воспринимается как еще одно проявление упадка и слабости.**

Поэтому главным направлением ответа на вызов исламского радикализма должна быть не ставка на «правильный» ислам (хотя, безусловно, пророссийских мусульманских лидеров необходимо поддерживать последовательно и эффективно), а возвращение государства как инстанции справедливой силы и поощрение тех социальных слоев, которые ориентированы на модернизационные процессы и не видят себя в фундаменталистском проекте.

В связи с этим, непродуктивна уступчивость государства по отношению к той эскалации требований, которая задается «спиралью исламизации» (строительство новых мечетей в центрах больших городов немусульманских регионов, разрешение на ношение хиджабов в официальном / публичном пространстве, легитимация «судов шариата» в той или иной форме и т.д.). Эта уступчивость воспринимается как «зеленый свет» дальнейшей исламизации, о чем можно судить по многим заявлениям лидеров и симпатизантов ваххабизма. Т.е. это типичный пример т.н. «провокации слабостью».

То же самое можно сказать о популярной идее «диалога» представителей государства с представителями ваххабитского направления ислама. Если светский тип правления и светское государство не признаются ваххабизмом в принципе, то пропадает сама почва для переговоров.

3. Неэффективность этнорелигиозной политики государства связана также с несовершенством законодательства и правоприменительной практики.

«Антиэкстремистское» законодательство, формировавшееся с начала нулевых годов для противодействия этнорелигиозным угрозам (в 2002 г. был принят закон "О противодействии экстремистской деятельности" и в

связи с ним инициирован целый ряд поправок в другие законы), критикуют с двух прямо противоположных позиций. Одни говорят, что оно недостаточно жесткое и не позволяет применять эффективные санкции к лицам и организациям, представляющим серьезную общественную опасность (по сути – объявившим войну государству и обществу). Другие утверждают, что оно избыточно репрессивное и постоянно генерирует череду несправедливых приговоров и абсурдных запретов. Как ни странно, правы и те, и другие. Условно говоря, те санкции, которые предусмотрены по т.н. «антиэкстремистским статьям» (ст. 280, 282 УК и др.) – это «слишком много» для вольнодумцев и нонконформистов разных мастей и «слишком мало» для фактических пособников терроризма. Больше того, реальная опасность и общественное неприятие преступных действий по поддержке и организации криминально-террористических сообществ микшируется тем, что они ставятся в один ряд с «мыслепреступлениями» или оппозиционным гражданским активизмом. К сожалению, само понятие «экстремизма», применяемое в качестве общего знаменателя и к «другороссам», перешедшим дорогу местной власти, и к вербовщикам Доку Умарова, этому только способствует. По сути, оно становится неявной индульгенцией для по-настоящему опасных движений и общественных сил.

В этой связи, и законодательство, и, главное, правоприменительную практику необходимо решительно и последовательно развернуть в сторону **противодействия не экстремизму как таковому, а экстремизму, системно связанному: А) с инфраструктурой террора, Б) с организованной преступностью.** Из огромного числа общественных и идейных течений в России, которые можно счесть по тем или иным признакам «экстремистскими», этим двум критериям отвечает в первую очередь (и почти исключительно) радикальный политический исламизм (чем и обусловлено преимущественное внимание, отведенное ему в настоящем докладе).

В 2008 г. Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России был преобразован в Главное управление по противодействию экстремизму (т.н. «Центр Э» МВД РФ). К сожалению, дело не ограничилось сменой названия – произошла частичная переориентация довольно влиятельной и профессиональной структуры на непрофильные функции «политического сыска» (произвольное расширение круга угроз чревато соблазном сосредоточиться на том, что проще и безопаснее). После назначения на пост министра внутренних дел Владимира Колокольцева широко обсуждался вопрос о воссоздании структур по борьбе с организованной преступностью под эгидой МВД. Пока этого не произошло. Но тем

важнее уже существующим структурам правопорядка и национальной безопасности не расплыться на противодействие аморфно-многоликтому политическому радикализму, а сфокусировать усилия в средоточии угроз, где пересекаются и взаимно увязываются: интегральная антироссийская идеология (ваххабизм / панисламизм); сеть ОПГ и растущее влияние в криминальном мире; разветвленная и устойчивая инфраструктура террора.

4. Массовая иммиграция в Россию из государств Средней Азии является важнейшим долгосрочным фактором, питающим исламский радикализм на просторах РФ, главным образом – в столицах и промышленных регионах, в местах повышенной концентрации трудовых мигрантов. Иммигранты – узбеки, таджики, киргизы и т.д. – легко находят друг с другом общий язык на почве общности трудовых интересов, а единство религии служит дополнительным средством консолидации. В этой среде, учитывая её непростое социальное и правовое положение, пропаганда ваххабитов оказывается особенно эффективна. «Бойцы джихада» широко вербуются из среднеазиатских мигрантов, а некоторые едут в РФ из Средней Азии, уже будучи убеждёнными ваххабитами, с целью разжечь «пламя джихада» на российской территории. Это подтверждается раскрытием в последнее время организаций экстремистов из числа среднеазиатских мигрантов на территории Поволжья (раздел 2.3). Концентрация мигрантов в Москве, Петербурге, других крупных городах и их областях создаёт дополнительную угрозу расширения исламистских сетей.

В связи с этим, необходимо ужесточение иммиграционной политики на южном направлении. Прежде всего, актуально:

введение визового режима с государствами Средней Азии (кроме Казахстана как члена Таможенного союза) и отказ от включения в состав Таможенного союза Киргизии и Таджикистана (отнюдь не только по причине иммиграционных рисков – но о других причинах необходимо говорить отдельно);

создание эффективных механизмов контроля на южной границе (РФ с Казахстаном или на границах общей с Казахстаном таможенной территории – в зависимости от позиции Астаны) и депортации нелегалов;

последовательное давление на работодателей, использующих труд нелегалов и наказание организаторов нелегальной иммиграции.

Конечной целью таких мер должно стать полное прекращение трудовой миграции в Россию из Средней Азии, за исключением репатриантов и отдельных категорий специалистов, точно отбираемых рекрутинговыми центрами, которые могут быть созданы в интересах РФ в регионе.

Сегодня подобные меры – не только вопрос нормализации общественного развития, но и прямой императив национальной безопасности. России будет крайне трудно интегрировать в правовое и культурное пространство страны свой «внутренний Юг». Но если эта задача будет усугубляться массивной демографической экспансией «внешнего Юга», она станет абсолютно нерешаемой.

5. Обострение этнорелигиозных угроз в относительно благополучных с экономической точки зрения республиках Поволжья говорит о том, что уровень развития региона – отнюдь не главный фактор в вопросах этнополитической стабильности. Об этом свидетельствует и множество исторических примеров, как далеких (Квебек, Каталония и др.), так и близких (в СССР точками «этнического возгорания» стали цветущее Закавказье и промышленно развитая Прибалтика). Поэтому **ставка федерального центра на экономическое субсидирование республик Северного Кавказа как главный метод профилактики нестабильности ошибочна.** Даже если допустить (сугубо гипотетически), что выделяемые средства будут работать на социальную защищенность населения и экономическое развитие регионов, это не гарантирует страну от сепаратистских, этнократических, исламистских угроз.

Сказанное не означает, что экономические факторы подобных угроз не важны. Напротив, они относятся к числу решающих. Однако более продуктивно их связывать не с уровнем развития региона как таковым, а с конкретной конфигурацией экономических стимулов, влияющих на поведение административных элит, бизнеса, массовых социальных слоев. Такие стимулы могут как сокращать нестабильность, так и катализировать ее.

Наиболее очевидная проблема в этой связи – каналы финансовой подпитки подполья, включая внешние источники и организованную этническую преступность по всей стране. Но более сложной и системной проблемой является сама модель экономической поддержки республик Северного Кавказа со стороны федерального центра. Она имеет ряд

системных недостатков и, в целом, скорее усугубляет, чем сокращает этнополитические риски.

Нестабильность служит для этнократических элит «товаром», выгодно продаваемым на внутреннем «административном рынке» (бюджетные трансферты, участие в ФЦП, инвестиции / кредиты со стороны околосударственного крупного бизнеса и т.д.). Существует угроза того, что такая модель отношений с федеральным центром, успешно апробированная на Северном Кавказе, может быть заимствована этноэлитами других республик РФ.

Расходование получаемых средств подпитывает «подполье» как политически (усиливая главные раздражающие факторы – клановость, неравенство, коррупцию), так и, отчасти, финансово (через рэкет по отношению к административным элитам и аффилированным с ними бизнес-структурам).

Львиная доля средств, выделяемых Центром на развитие республик Северного Кавказа, выводится элитами в соседние и центральные регионы России. Это, в свою очередь, означает бурную экспансию клановой экономики за пределы Северного Кавказа, со всеми вытекающими последствиями, и еще меньшую заинтересованность правящих кланов во внутренней стабильности республик (главный экономический резон которых – защита инвестиций).

Мегапроекты, инициируемые федеральным центром для развития и стабилизации региона, такие как «Курорты Северного Кавказа», а также отчасти Олимпиада в Сочи, имеют / будут иметь в дальнейшем обратный эффект, т.к.: А) не основаны на вовлечении местного населения и распределении рисков с местным бизнесом (на этой почве уже возникло и впоследствии будет возникать немало конфликтов), Б) создают зоны повышенной уязвимости федерального центра перед лицом диверсионно-террористических и иных форм шантажа.

В этой связи, нельзя не отметить, что **период подготовки и проведения олимпийских игр в Сочи является временем повышенных этнополитических рисков** и вынужденной уступчивости федерального центра, что чревато блокированием не только решения, но и постановки острых проблем.

В дальнейшем любые проекты экономической модернизации на Кавказе должны быть ориентированы на то, чтобы: а) привлекать инвестиции местных элит, возлагая на них риски и ответственность, б) способствовать занятости местного населения. Необходим новый пакт федерального центра с правящими элитами республик: обогащаясь, прямо или косвенно, за счет финансовой поддержки со стороны федерального центра, они должны инвестировать свои средства в пределах региона и более нигде. Только тогда они окажутся заинтересованы во внутренней стабильности и будут вынуждены защищать свои инвестиции.

6. Крайне важно **ограничить экспансию клановой экономики в иные регионы РФ** и, прежде всего, в соседние с северокавказскими республиками края и области. Это важно – с точки зрения интересов как «русских» регионов, так и самих кавказских республик (по причинам изложенным выше – вывод ресурсов вовне является одной из причин эскалации нестабильности).

Сегодня наблюдается масштабная экспансия диаспоральных групп, с опорой на элиты северокавказских республик, в Ставропольском крае. Возникает множество конфликтов (социально-экономических, имущественных, бытовых), растет недовольство местного населения (со стороны как русского населения, так и традиционно сильных в регионе диаспор – армянской, греческой и др.). С аналогичными проблемами сталкиваются Краснодарский край, Ростовская, Астраханская области и некоторые другие регионы. Преимущественно, речь идет о регионах Южного Федерального округа.

В РФ стала привычной практика наделения полпредств своего рода «спецмиссией» в рамках задач регионального развития (преодоление депопуляции в ДФО, обеспечение занятости в СКФО и т.д.) и, соответственно, расширенными возможностями для ее выполнения. В этой логике, ЮФО необходимо сознательно и последовательно выстраивать в качестве **фронтирного региона – своего рода «засечной черты» от этнополитических угроз с южного направления.**

Это потребует принятия ряда системных мер. В их числе:

Координация деятельности органов исполнительной власти и правоохранительных структур по противодействию экспансии кланово-диаспоральной экономики, этнической организованной преступности, исламского радикализма.

Поддержка и поощрение самоорганизации местного гражданского общества для защиты общественной безопасности и гражданских прав, в том числе – на традиционной для региона казачьей основе (если понимать под казачеством не общество исторической реконструкции и не наследственный / псевдоэтнический статус, а модель самоорганизации русского населения на этническом фронтире, каковой оно и было исторически).

Повышенное внимание и уважение (не меньшее, чем в случае северокавказских республик) по отношению к местным традициям южнорусских, казачьих регионов (традиционно специализирующихся на выполнении роли организованного фронта). В т.ч. – актуализация в общественном сознании вопроса о компенсациях за эпизоды притеснения русского / казачьего населения Кавказа и смежных регионов на всем протяжении XX века (первые годы советской власти и «расказачивание», кампании «коренизации» и расширения этнических регионов, элементы геноцида в Чечне 1990-х гг.). Среди прочего, это могло бы стать противовесом эскалации требований этнической общности («черкесский вопрос» и др.).

Назначение сильной в аппаратном и политическом отношении фигуры на пост полпреда с обеспечением соответствующего объема ресурсов и полномочий.

Перевод в состав ЮФО Ставропольского края. Его роль во внутренней геополитике России – быть не донором решения проблем северокавказских республик (тем более, как уже было сказано, происходящая экспансия не решает, а усугубляет эти проблемы), а плацдармом русского присутствия в регионе.

В целом, именно «казачьи края» – Ставропольский и Краснодарский – видятся естественным ядром Южного федерального округа как фронтального пояса вокруг зоны этнополитической нестабильности. Если посредством комплекса административных, полицейских, финансовых, культурных мер и сигналов будет четко обозначен рубеж, с которого русские не отступят, это будет способствовать восстановлению позиций Москвы на Кавказе.

7. При всей важности принципа универсальности гражданских прав и солидарности граждан страны вне зависимости от происхождения,

необходимо признать, что Россия, как и большинство крупных исторических наций, имеет выраженное этнокультурное ядро и, соответственно, **присутствие / положение русских в том или ином регионе РФ стратегически равнозначно присутствию российской государственности.**

Привычную модель взаимоотношений «федеральный центр – административные элиты республик – титульные этносы», при которой русские оставались в стороне и многие вопросы решались за их счет, необходимо решительно скорректировать и дополнить с учетом русского фактора в этнических регионах.

Применительно к северокавказскому региону это означает, как уже было сказано, необходимость укрепления периметра фронтальных русских регионов. И лишь в отдаленной перспективе, при благоприятном развитии событий, – «реколонизацию» Кавказа в процессе модернизации его экономики, неизбежно сопровождающейся притоком квалифицированных трудовых кадров.

Применительно к республикам Поволжья, где доля и социальная роль русского населения остаются высокими, но постепенно сокращаются, необходимо предотвращение его дальнейшего оттока. Последнее требует мер по предотвращению этнической дискриминации в доступе к государственной службе и иных сферах, обеспечению прав родителей выбирать стандарт языкового образования, поощрению деятельности русских организаций в культурно-просветительской и правозащитной сфере.

В условиях, когда местные этносы имеют де-факто и подчас де-юре собственную государственность, единственной государственностью русских является сама Российская Федерация. Последняя должна стоять на почве интересов русского присутствия в критически важных регионах, если не желает лишиться в них своей опоры.

Чтобы удержать от распада и дестабилизации этническую периферию России, придется приложить немало усилий. Но это окажется невозможным и бессмысленным без решения главной задачи – укрепления ее этнического ядра. Меры, которые могут быть приняты в этом направлении, Институт национальной стратегии планирует осветить в последующих исследованиях и разработках.

Доклад подготовлен рабочей группой **Института национальной стратегии** под редакцией **Ремизова М.В.**

Авторский коллектив доклада:

Бутаков Ярослав Александрович

эксперт Института национальной стратегии

Епифанцев Андрей Александрович

руководитель аналитического бюро «AlteetCerte»

Маркедонов Сергей Мирославович

приглашенный научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США)

Ремизов Михаил Витальевич

президент Института национальной стратегии

Силантьев Роман Анатольевич

доцент МГЛУ, директор Правозащитного центра Всемирного русского народного собора

Сулейманов Раис Равкатович

руководитель Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований